

Муниципальное казенное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система»
Северного района Новосибирской области

Ельпидифор Мохов

Рассказы

Северное, 2014

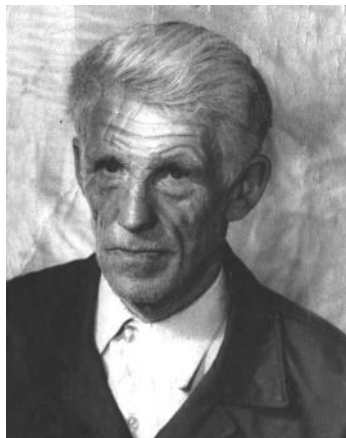
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6
Р24

Р24

Мохов, Е.П.

Рассказы / Ельпидифор Петрович Мохов. - Северное, 2014. - 56 с.

От составителя

Уважаемые читатели!

Книга, которую вы держите в руках, написана нашим земляком Ельпидифором Петровичем Моховым. Она познакомит вас с интересными историями о жизни простых тружеников, крестьян, рабочих военной и послевоенной поры. Рукопись «Мстители. Эпизоды Великой Отечественной войны 1941 года» была написана Ельпидифором Петровичем на основе реальных событий. Она частично записана со слов участницы той самой партизанской группы, о которой идет речь в этом рассказе. В книге полностью сохранен авторский стиль.

Автор, Ельпидифор Петрович Мохов - непосредственный участник этих событий, ветеран Великой Отечественной войны. Родился в 1910 году в семье рабочих крестьян в деревне Высоково Шекснинского района Вологодской области. Помимо него в семье росло две сестры. Окончил 5 классов сельской школы. С 12 лет подрабатывал в колхозе: пахал и боронил землю, помогал во время сенокоса и уборки урожая.

Когда Ельпидифору Петровичу исполнилось 15 лет, ушел из жизни отец. Остался он с двумя сестрами у матери на руках. С тех пор началась взрослая жизнь. Сначала Ельпидифор Петрович работал в Чуровском почтовом отделении Шекснинского района письмоносцем. Потом - грузчиком в товарном порту г.Ленинграда. Позже устроился в Северо-Западное речное пароходство матросом на пароход «Социалист».

Перед началом Великой Отечественной войны почти 4 года проработал в воензированной пожарной охране. Оттуда и ушел на фронт в 1941 году. Служил в Советском Заполярье и на Карело-Финском фронте, в отдельном зенитном батальоне. Принимал участие в разгроме японских милитаристов. В 1945 году Отдельная 7-я армия, в которой служил Ельпидифор Петрович, была переброшена на Дальний Восток. Демобилизовался в 1946 году и по приглашению своего боевого командира переезжает жить в Сибирь.

В 1948-1958 гг. сменил множество трудовых профессий. Сначала работал в деревне Михайловка Чувашинского сельсовета в колхозе на сенокосе. Переехав в Северное, многие годы работал на заготовке сена для районного отдела милиции и промкомбината. Зимой готовил дрова для маслозавода, Северной средней школы и районного Дома культуры, а также строевой лес. В 1954-55 гг. работал на выпасе скота. В 1958 году пошел работать в МТС.

Много лет Ельпидифор Мохов трудился по ударному, за что имеет разные правительственные награды. Но с 1961 года после тяжелой, продолжительной болезни он мог заниматься только облегченным трудом. Некоторое время помогал пчеловоду П.Антоненко на пасеке. Охранником на хлебоприемном пункте Ельпидифор Петрович проработал до самого выхода на пенсию.

Желаем вам приятного чтения!

Ее тайна

Как-то однажды летом у Анисьи Федоровны произошла необычная история. Случилось это так.

Была у нее корова, на вид полная, красивая, кличка была ей Красавка. Пойдет Анисья доить, так полное ведро молока тащит от Красавки. Одним словом добрая была корова. Ну вот беда, один порок был у нее - подойдет время отела, и Красавка в лес бежать. Пройдет два – три дня и Красавка явится снова домой. Ну, а вот в это лето убежала Красавка и как в воду канула. Поискали, все поля обошли, все перелески в окрестности облазили, да так и не нашли ее. Потужила, погоревала Анисья Федоровна, да что ж из этого, погоревал и дед Степан вместе со снохой.

- Не везет в жизни нам с тобой, сноха, - промолвил дед Степан.

- Ничего, папа, не тужи, проживем, - говорила Анисья. – Вспомни, как мы переживали с тобой 1941-1943 годы. Особенно эти годы были для нас трудными, с питанием было плохо. А работать – работали, да еще как. На покосе полтора часа в день вручную косила, а тут еще похоронку на мужа получила. Сколько слёз я тогда пролила, да что ж из этого. Слезы не помогли ведь.

- Знаю, сноха, знаю. Сам все пережил, разве легко мне было тогда любимого сына забыть. Сейчас главное ведь человек и его здоровье.

- Да, да, папа, главное здоровье. Здоровье есть - и работать, и жить хочется. Вчера я была на собрании правления колхоза, премию назначили мне, да на всесоюзную выставку хотят послать.

- Неужто, сноха, в Москву поедешь? Батюшки, почет-то какой тебе, Анисья, - удивленный, радостный говорил дед Степан. Немного помолчав, улыбнувшись, он снова сказал:

- Так значит, за хороший уход за телятами премируют, да еще в Москву посылают. Значит труд даром не пропадает, Анисья Федоровна.

- Нет-нет, папа, не пропадает, - ответила Анисья.

- Все это, Анисья, хорошо. Только не могу я успокоиться, все думаю, куда же все-таки пропала наша Красавка. Вот уже пять дней прошло, как потерялась она.

В то время произошла одна случайная встреча. Мальчишки-пионеры, Миша и Коля, пошли рыбачить на озеро. От деревни оно было не так далеко, всего семь километров. Во время летних каникул Миша и Коля не раз вместе ходили на озеро рыбачить. Домой они всегда возвращались с красноперыми окунями и карасями. Сегодня у них получилось по-другому. Придя на озеро, они увидели на берегу каких-то зверей. Маль-

чки остановились.

- Смотри, Миша, да это ж не звери, это ж корова тетки Анисьи,- спешно говорил Коля.

- И правда, - всматриваясь, улыбаясь ответит Миша.

Подойдя поближе, они увидели с коровой еще и тёлку. Тёлка была красивой, стройной. Вытянув шею, подняв голову, прислушиваясь, она готова была помчаться в одно мгновение. А корова стояла спокойно. Когда ребята подошли ближе к корове, она подняла голову и, как бы жалобно, подала голос.

- Мы знаем, Красавка, что ты убежала в лес, - усмехаясь говорили мальчики.

Красавка как будто узнала Мишу и Колю, она сама подошла к ним и, обнюхивая их, ласково смотрела. Немного постояв, дети решили идти домой, известить Анисью. Они шли по лесной тропе и корова охотно побрела за ними. Тёлка шла, прыгая и играя, но от коровы не отставала. Когда добрались домой, Анисья обрадовалась и очень благодарила Мишу и Колю. Чёрно-бурая тёлка стояла рядом с коровой, она видно росла не по дням, а по часам.

- Она, наверно, в лесного лося уродилась, - шутливо говорила Анисья Федоровна.

Дед Степан, видимо, занимался столярной работой в сарае. Он был столяром и по заказу делал для школы парты, столы, скамейки. Спустя несколько минут, услышав на дворе разговор, он вышел из сарая. Завидев ребят, дед Степан улыбнулся, кивнул головою, снял очки, обтер рукою потное лицо, быстро подошел к корове и проговорил:

- Вернулась, беглянка лесная. Путы железные на тебя надеть надо, чтоб не бегала

Красавка, словно понимая деда и свою вину, понурила голову и изредка фыркала. Миша и Коля рассказали, как они пошли на озеро, как встретились с коровой и как шли дорогой.

- Спасибо вам, детки, спасибо! - радостно улыбаясь, говорил дед Степан. Он присел на лавку, Миша и Коля присели рядышком.

- Правда ли, дедушка Степан, Анисья Федоровна говорит, что тёлка уродилась в лесного лося? - спросили мальчишки.

Дед рассмеялся и сказал:

- Кто её знает. Одно могу сказать - в природе много есть интересного. Это её тайна, - дед Степан кивнул в сторону Красавки и тёлки, которые отошли и стояли у дверей пригона. Анисья вышла из дома с подойником, загнала их в сарай и стала доить Красавку. Было слышно, как в по-

дойник лились струи молока «зин-зин».

- Дак что, дети, рассказать вам одну историю?

- Пожалуйста, расскажите, мы будем слушать.

- Несколько лет назад, как-то охотничал я осенним вечером. Погода стояла ненастная, весь день моросил мелкий дождик, с ветвей деревьев и кустов капали крупные капли дождя. Весь промокший я возвращался домой ни с чем, неудачный денек выпал. Начинало смеркаться, я вышел на поляну, с которой уже было видно, как мерцали огоньки деревни. «Ну вот, скоро и дом, обогреюсь, и чайку горячего старушка вскипятит», - мыслил я про себя. Как вдруг, послышался шум. Остановился, прислушиваюсь, слышу - по земле топот. Держу на изготовке ружье, всматриваюсь кругом, и вот вижу - вблизи что-то черное. Я быстро зажег факел (во время охоты я всегда на случай имел с собой факел) и кругом на несколько десятков шагов стало светло. Я увидел шагах в пяти от меня стоял лось. Он пугливо озирался, подняв голову, глубоко часто вздыхал. Я смело сделал шага три к нему, он - ни с места. Стоял, вздрагивал, от него клубами шел пар.

Оказалось, что за ним гнались два волка, а когда увидели горящий факел, то тоже остановились, испугались. Я увидел их и, не долго думая, навел ружье, прицелился, нажал на спусковой крючок: бах-бах... Один волк упал, а второй щелкнул зубами и с воем помчался по поляне в сторону леса.

- Ну, а что произошло с лосем? – враз спросили Миша и Коля.

Дед Степан ухмыльнулся и проговорил:

- Вот-вот, эту странную историю о лосе я и хочу вам, ребята, рассказать. После выстрела лось остался стоять вблизи меня. Он смотрел на меня и кивал головою, как будто бы кланялся мне, дескать: «Спасибо, мил человек, спас ты меня». Ну и я тоже поклонился ему, кивнул головою: «Живи, мол, на здоровье, гуляй на свободе». А сам пошел, иду, смотрю - и он за мной идет. Я останавлиюсь, и он остановится. Иду и сам себе удивляюсь - почти тридцать лет охотничал, а такого случая еще не встречал, чтоб сам зверь за человеком шел.

А когда подошли к дому, я открыл ворота во двор, а сам к сараю подошел и думаю: во двор то он, наверно, не зайдет. Смотрю, а он ко мне, почти к носу подошел, фыркнул, высоко голову поднял и стоит. Тут Барбос увидел его, бегаёт, злится, лает, только цепь брякает. «Нельзя, Барбос, не пугай его, он и так напуган», - говорю ему и пальцем пригрозил. Послушал он меня, утихомирился, хвостом завилал. Вон он, пёс-то, смотрит, слышит, что про него говорю, умный пёс. Вот только на охоту

не всегда беру я его.

Потом вышла из дома старуха, видимо услышала, что вернулся я с охоты. Смотрит то на меня, то на лося, удивляется: «Ты что это, Степан, уж живого зверя наловчился ловить?» «Да я его не ловил, он сам пришел за мной». И я рассказал ей, как шел домой, как встретился с лосем, как волка убил. А она слушает, да диву дается: «Ни за что бы, Степан, я не поверила. Да сама вижу, своими глазами». «Ну ладно тебе, старая, удивляться, я весь промок, надо обогреться, да и гостя надо приютить, да накормить».

Приютили его, стал он жить у нас. Сначала дичился, а потом привык. Корова пойдет в поле и он с нею, вечером корова домой и он с нею вместе, словом, подружились они крепко. И вот однажды ушли они в сентябре прошлого года, дней пять не было, а потом корова вернулась, а лось так и не вернулся. А в это лето корова снова ушла, искали ее, искали, да так и не нашли и вот только благодаря вам, дети, корова снова нашлась.

- Спасибо вам, - набивая в трубку табак говорил дед.

На прощание он сказал ребятам: «В природе ведь есть много тайного и интересного. Советую вам, дети, читайте книги о природе, они вас научат и вдохновят любить природу, они вас научат распознавать много тайного в природе...».

Путевые записки

Пассажирский поезд «Москва-Новосибирск» мчался по Сибирской земле, постукивая колесами. Пассажиры вагона, в котором я ехал, были старые и молодые, юноши и девушки. Напротив меня сидели девушки, ехавшие по комсомольским путевкам в Сибирь на стройку. Девушки были веселые, разговорчивые и поэтому от самой Москвы мне было не скучно в пути.

Рядом со мною сидела девушка, которая коротала время за чтением романа. Напротив сидел старик. Он часто смотрел одну и ту же книгу, перелистывая ее несколько раз подряд. Видимо, пчеловод был, потому как на листах книги было множество рисунков, изображающих разные растения и цветы, а между ними стояли ульи с летающими вокруг пчелами.

Как-то мы разговорились с ним. Он представился Афанасием Петровичем, семидесяти трёх лет.

- Вы, видимо, танкист, - свернув книгу, проговорил он, посмотрев на мои погоны.

- Да, Афанасий Петрович, в танковой части служил, - ответил я ему. - Служил Родине, а сейчас по указу правительства демобилизовался и еду в Сибирь.

Афанасий Петрович улыбнулся, в его глазах засияла старческая гордость. Оказалось, что у него три сына было и все служили в армии, и все трое – танкисты. Два старших погибли под Сталинградом, а младший погиб в последние дни войны при штурме Берлина. Афанасий Петрович оказался разговорчивым. Он рассказал, что живет и работает пчеловодом в колхозе «Заря коммунизма». За добросовестный труд, опыт и знания он не раз был награжден правительственными наградами. Сейчас Афанасий Петрович ехал из Москвы, где был на всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

- Так вы тоже скоро сходите? - завязывая вещи и посмотрев на меня, промолвил Афанасий Петрович.

- Да, думаю, - отвечаю я.

- Думать нечего. Через полчаса прибываем. Наша станция, будем слазить.

- Видите ли, Афанасий Петрович, когда я служил в армии, у меня были товарищи – сибиряки, были и украинцы, сам-то я уроженец Вологодский. –Так вот, как-то раз, завели разговор Алифиренко и Легеза, в котором хвалили свою Украину: «У нас дыни, арбузы, яблоки, груши ! А у вас в Сибири – лес, да болота, слов нету.

- Лесов и болот у нас хватает, - отвечали сибиряки, - а лес-то разве не богатство? А что фрукты? В Сибири тоже растут, да и ягод лесных полно, а на болотах растут морошка и клюква - это ценные, лечебные ягоды.

- О, вы болтаете, фантазируете! Не верим! - говорили украинцы сибирякам».

- Касаясь меня - так я верил сибирякам, хотя мне еще не приходилось бывать в Сибири, но думаю, что не ошибаюсь.

- Нет, нет, не ошибаетесь, - улыбаясь, ответил Афанасий Петрович. У нас всего хватает - обширные поля, голубые озера, а если чуть податься на восток, то там стоят необъятные зеленые красавицы тайги. А пойдешь по ней - ни конца, ни края ей нет, да и чего только в тайге нет! А на счет рекомендации я всем скажу, молодой человек, - к нам в село в колхоз «Заря коммунизма» добро пожаловать! Работать и развернуться у нас есть где. Вот так, решайте.

- Я уже решил, Афанасий Петрович.

Поезд незаметно остановился. Попрощавшись с попутчиками, мы вышли из вагона. Положив вещи на платформу, мы стояли и смотрели на тёмно-зелёные вагоны. На ступеньках и в тамбуре вагона, в котором мы ехали, стояли наши знакомые пассажиры. Одна из девушек, которую звали Зоя, улыбаясь сказала:

- Мы сделаем так, как договорились - вы напишете мне письмо, когда устроитесь и будете работать. Мы будем соревноваться, да? Вот будет хорошо! Приезжайте ко мне, когда я окажусь победителем в соревновании. - Зоя кивнула мне, соскочила со ступенек вагона и протянула руку, мы обменялись рукопожатием.

- Ладно, обязательно напишу и приеду! - ответил я.

Гудок... Зоя вскочила на ступеньки вагона. Поезд тронулся, вагоны двигались всё быстрее, а Зоя всё махала. И я громко крикнул, чтобы она услышала меня: «Мы оба победим!»

Проводив поезд, мы с Афанасием Петровичем пошли к вокзалу. Пройдя от вокзала метров сто, мы остановились.

- Вон до тех домов дойдем, а там на новеньком «Москвиче» поедem, - указывая рукою, проговорил Афанасий Петрович.

Мы только собрались идти, как вдруг нам навстречу по дороге мчалась машина, в кузове которой стояли девушки и пели песню «Широка страна моя родная...». Их голос звучал далеко над просторами полей.

Когда машина поравнялась с нами, шофер затормозил.

- Дак, это-ж наша, колхозная, - сказал Афанасий Петрович.

Девушки легко, как птички, спрыгивали с машины на землю.

- С приездом, Афанасий Петрович, - с радостными улыбками приветствовали они. Так же сердечно здоровались девушки и со мною.

- Ну, вот мы вас, Афанасий Петрович, и встретили, - улыбаясь, говорили девушки.

- Искренне, душевно благодарю за вашу встречу, - ответил Афанасий Петрович и добавил, - вы же знаете, девушки, что сейчас у меня свой «Москвич».

- Что, уже получили? - спросил шофер.

- Получил. И уже испытание сделал, когда еще в Москву поехал.

- Ну, и что? - снова спросил шофер.

- Замечательная машина! - с восторгом произнес Афанасий Петрович.

- Счастливый вы, Афанасий Петрович, - говорили девушки.

- Я вот сколько беру, но все лотерейные билеты не счастливые, - добавила одна из них.

- Дак, милые девушки, не всем же выигрывать! Москва не сразу строилась, ваше счастье впереди. Любовь и счастье у каждого из вас впереди, - шутливо говорил Афанасий Петрович. - Ну ладно, девушки, как у вас, так и у нас - время дорого.

- Правильно, - кивнул шофер. - Товар надо в магазин доставить вовремя.

- Вы, молодой человек, чтоб не ждать, поезжайте с девушками, с ними вам не скучно будет, - обращаясь ко мне, сказал Афанасий Петрович.

- А на повороте, у тополя, обождете меня, шофер знает, где остановится.

Он кивнул головой, повернулся и пошагал в сторону белых домов.

- Если «Москвич» не закапризничает, я мигом прикачу, - на ходу добавил он.

Я запрыгнул на верхотуру к девушкам. Они оказались веселые, разговорчивые, и время в пути прошло незаметно. Шофер затормозил, оста-

новился и, открыв дверку кабины, произнес:

- Вот вам и тополь, молодой человек.

Я выскочил из кузова, девушки улыбались.

- Вы хорошие, веселые девушки, только очень уж большие шутницы,
- говорю торопливо им.

Одна девушка, Маруся, в красном платочке, произнесла:

- Молодой человек, мы с вами так много говорили, только немного познакомились, а вы уже скорее уходите от нас, не обязательно ведь.

- Девушки, - говорю я им, - не обязательно, но желательно!

- Вот мне еще шуточки, время дорого! - захлопывая дверку кабины, проговорил шофер. Он нажал на рычаг, и машина помчалась вперед по дороге.

- Счастливо вам, девушки, - крикнул я им в след.

- Счастливо Вам! - звонкими голосами кричали они мне.

Они махали платочками, я стоял на дороге и смотрел на взмахи этих голубых и белых платочков и невольно думал, что все девушки хорошие, но одна мне показалась какой-то особенной. Я вел с ней короткие разговоры, узнал, что эта девушка по имени Маруся приехала из какой-то школы помогать колхозу на уборке сена и заготовке зеленых кормов.

Она окончила 10 классов средней школы, я спросил ее:

- Ну, а дальше, в какой институт думаете поступить?

- Пока ни в какой.

- Почему? – спрашиваю.

А она как-то просто и откровенно произнесла:

- Мы живем в такое время, когда труд - это наша жизнь. Труд коллективный - это наше будущее счастье. Будем помогать колхозу трудиться и одновременно будем учиться.

Стоя на дороге, я припоминал прекрасные слова этой девушки и смотрел на дерево, которое среди чистых полей стояло, как будто на море маяк. Вот дунул чуть-чуть ветерок и на верхушке тополя слегка зашумели листочки, они словно шептались и будто тихо хотели мне что-то сказать. Я смотрел на дерево и чувствовал, как во мне открывалось какое-то радостное оживление.

Аленький платочек

Я, участник Великой Отечественной войны, вспоминаю одну историю. Это было в 1942 году. Я тогда воевал на Карело-Финском фронте. Наш отдельный защитный батальон из Медвежегорска был направлен куда-то на Север. Как я уже потом узнал, мы переправлялись на Беломорск. Железная дорога от Петрозаводска была перехвачена белофиннами, и мы двигались по запасным дорогам. А местами приходилось и вовсе вновь прокладывать дорогу по лесам.

Как-то на пути нам попала небольшая деревушка. Мы обошли по домам. В них не было никого, все были пустые. «Люди, видимо, были эвакуированы» - сказал нам командир. Прошли деревушку. На краю, на отшибе, стояла небольшая избушка. Один солдат забежал в нее, а потом быстро выскочил и доложил командиру, что там находится женщина, а в руках у нее автомат. По приказу командира Губина, несколько солдат, среди которых был и я, зашли в избушку. Посреди комнаты стояла молодая женщина. В руках на изготовке она держала автомат. По приказанию Губина она положила его на стол. Автомат был финский.

- Кто вы такая? - спросил Губин.

- Я - русская, по нации – карелка.

Она предъявила паспорт: Лисая Людмила Васильевна, 1920 года рождения, город Пудож.

- Садитесь, Людмила Васильевна. Расскажите нам, что у вас тут в деревне? - спросил ее снова Губин.

- Люди нашей деревни недавно были эвакуированы, - начала она. – А я вот осталась, осталась ради ребенка, - указывая на люльку, говорила она. - Врач сказал, что для ребенка необходимо коровье молоко, а корова у меня хорошая, ведерница, молока вдоволь. Позавчера угнали ее супостаты, да видно привязали к дереву, а она ремень пережевала и прибежала домой. Вот этот негодий, видимо, привязал, - она открыла занавеску, на полу, под занавеской, лежал мертвый фриц.

- Он, гад, привязал корову, а сам вернулся ко мне и говорит: «Вот,

матка, меня послали убить тебя. Но я Вас не убью. Полюбишь, поспим с вами и ты останешься живая».

- Полюбимся, дак, полюбимся, - говорю я ему.

Он снял автомат, положил его на пол, вот сюда, а потом прилег на кровать, приглашая меня. Не успел он коснуться моего лица, как закричит, как шакал. А я не растерялась, рванула его за волосы со всей силы, а потом, в одно мгновение, схватила автомат и прикладом его по голове. Пожалуйста, уберите его, гада, чтоб он тут не вонял.

Солдаты вытащили труп на улицу.

- Вот это здорово Вы, Людмила, дали ему полюбить. Так ему и надо, - проговорил Губин. - Людмила Васильевна, а муж ваш где? - спросил он.

- Мой муж служит в Балтийском флоте моряком, вот уже год, как он служит. В письмах писал, что отлично служит Родине.

- Вы что тут задерживаетесь? - забегая в избу, возвышенным голосом произнес комбат.

Губин доложил о случившемся. Выслушав его, комбат произнес: «Ну, это хорошо. Честно, достойно вы поступили, Людмила Васильевна! - пожав ей руку, сказал комбат и добавил, - а сейчас нам в дорогу. А вам, солдаты, напоминаю хранить ребенка и его мать, Людмилу Васильевну, жену моряка, хранить как зеницу ока».

- Есть, хранить как зеницу ока, - произнесли дружно голоса.

Я не романтик и не описываю все тонко. Одним словом, мы через пять дней были уже в Беломорске. Благополучно доставили и сохранили ребенка и его мать, доставили и корову Партизанку (так ее прозвали солдаты). Когда главнокомандующему Карело-Финским фронтом Кириллу Афанасьевичу Мерецкову доложили о прибытии батальона, им было дано распоряжение назначить на два дня пять солдат на покос. Среди них старшим определили меня. Нашли у беломорцев-старожил косы, дали нам машину, километров десять отъехали от Беломорска и нашли поляну - трава хорошая, густая. Погода солнечная стояла. Один день мы косили, на второй загребли и привезли две машины зеленого, душистого

сена для Партизанки.

На войне разные судьбы у людей. Мне лично надолго пришлось остаться в Беломорске. В те грозные годы, кто был там, тот знает, что тогда представляли собой Мурманск, Кандилакша и Беломорск. Может отцы и деды бывали, ну а дети и внуки - они знают по книгам, по кино (например «А зори здесь тихие»). Среди генералов, адмиралов и маршалов, моя солдатская воинская служба проходила почетно, с достоинством.

Как-то мне пришлось забежать на квартиру к Людмиле Васильевне. Она была очень рада, гостеприимно и душевно встретила меня. Жизнерадостный, веселый мальчик Юра живет, растет. Людмила работает в швейной военной мастерской, шьет для солдат и офицеров брюки и гимнастерки, кители и шинели. «Все для фронта, все для победы!» - говорит она. Побеседовал я с нею, поговорили о том, о сём, что враг жесток и надо с ним бороться кто - чем может. Когда я с ней хотел попрощаться, она взяла меня за руку и сказала: «Служите, Петрович, честно Родине, воюйте и быстрее освобождайте нашу Родину-мать от проклятого фашизма». «Будем служить честно и воевать храбро», - говорил я в ответ.

Мы вышли на крыльцо, она посмотрела на меня ласково и подала мне в руку алый платочек и проговорила: «Храните, не забывайте. Этот платочек подарил мне мой отец, он служил в Петрограде в 1917 году, участвовал в штурме Зимнего дворца, был в Смольном при каком-то важном боевом задании, которое было назначено Владимиром Ильичом Лениным. Он с честью его выполнил, после чего Ильич пожал отцу руку и сказал:

- Чудеса вы сотворили, Василий Лисой.

- Мы надеемся на вас, Владимир Ильич. Верили, что революция в России свершится, и вот она свершилась, Зимний взят, временное правительство арестовано.

- Так, так, - поддакнул Ильич. – Значит, вся власть советам, земля крестьянам!

- Так точно, Владимир Ильич, - повторил отец.

Ильич еще пожал отцу руку и спешно зашел в какой-то кабинет. Через несколько минут к отцу подошла молодая девушка с красной повязкой на руке.

- Дежурная по штабу! - представилась она. - От имени меня, по приказу, примите! - она подала отцу вот этот алый платочек.

Так говорил мне отец, так повторяю и я Вам. Храните, не забывайте этот алый платочек. Память Смольного, память молодой девушки, память Ленина».

- Клянусь, будем хранить!

Я еще раз пожал ей руку и мы расстались. С тех пор прошло много лет, я его и сейчас храню. Этот алый платочек - память девушки, память революции, которую свершил Владимир Ильич Ленин - основатель нашего советского государства.

Однажды летом

Как-то летом, в середине августа, несколько мальчиков и девочек договорились сходить в лес по малину. Собрались и решили идти до самого осинового леса. Старожилы называют этот лес «Малиновой рощей», потому видимо и прозвали, что посреди него росло много малинника.

- Ну, девочки и мальчики, кто не надеется на себя - прошу не ходить, - обращаясь к ребятам, проговорил Миша Петров.

- Ты, Миша, надейся на нас, как на себя, - прозвучало несколько голосов.

- Ну ладно, посмотрим!

Выйдя из своей деревни, ребята пошли по чистой поляне, через которую проходила узенькая проселочная дорога. Первым шел Миша, он был старше всех, ему было уже пятнадцать лет. Он не раз ходил этой дорогой с дедушкой Степой на Голубое озеро ловить рыбу и хорошо знал эту ее. После утренней прохлады августовское солнце, зажженное на горизонте, поднималось и светило яркими лучами на землю. Последние капли росы на траве исчезали, воздух нагревался.

Пройдя поляну, дети зашли в густую хвойную чащу, стало прохладнее, пахло смолой. В основном в лесу преобладали сосны и ели, изредка между ними стоял великан кедр, на верхушке которого чернели шишки.

Было тихо, только тонкий писк комара жужжал по ушам, да изредка порхали маленькие птички на деревьях. Где-то далеко разнеслось «Ух-ух».

- Лесной леший! - промолвил кто-то из детей.

- Нет-нет, ребята, ни каких лесных леших нету, - проговорил Миша. - Это лесная птица, зовут ее филин.

- Сколько мы идем по этому темному бору? - на ходу спросила одна из девочек.

- Как раз ровно час идем, - приостановившись и посмотрев на часы, проговорил Миша. - Скоро, ребята, покажется белый просвет, а там начнется чистое торфяное болото.

Через несколько минут показался белый просвет. Могучие стройные деревья кончились и как стена стояли они у самого болота. Лесная твердая дорога кончилась. Дети зашли на мягкую торфяную узенькую тропинку, на тропинке выжималась вода. Шли тихо, но настроение у всех было бодрое, так прошли с километр. А потом тропинка суше пошла, она тянулась над уровнем болота возвышенностью, в виде сухого бугорка.

- Ну как, ребята, ваше самочувствие? - остановившись, спросил Миша.

- Хорошее! - прозвучали в раз несколько голосов.

- Слабых нету? - снова спросил Миша.

- Нету! - слышались звонкие, веселые голоса девочек и мальчиков.

- Вот и хорошо. Сейчас, ребята, мы находимся на середине болота. Посмотрите, что мы прошли, что позади и что впереди.

Все обратили взоры и увидели, что позади и впереди, в конце болота, как стена был виден высокий темно-зеленый лес. На середине болота было множество небольших бугров и кочек, на которых краснели ягоды брусники. На болоте, неподалеку, развивалось звонкое журавлиное «курлы- курлы». В воздухе над головами кулики, а вот почти из под ног вылетала бело-черная куропатка, пролетела метров сто низко над землей и снова села.

- Здесь не как в бору природа, а по другому, - сказал кто-то из ребят.

Пройдя еще немного, Миша остановился, остановились и все остальные.

- Смотрите, смотрите! - указывая рукой, говорил он!

Неподалеку от ребят стояли четыре высоких зверя. Они казались какими-то особенно красивыми: длинно-узкие, стройные, стояли, вытянув шеи и, высоко подняв головы, прислушивались, видимо, почуяв людей.

- Ребята, вы не бойтесь, - сказал спокойно Миша, - это звери безвредные, это лоси.

Немного помедлив, они быстро помчались, только и видели их мелькающие бурые точки. Дети прошли еще немного и вышли снова на твердую землю. Впереди показалась зеленая роща берез, вблизи рощи раскинулось озеро. Миша это хорошо знал, знал и то, что от озера совсем близко, в нескольких километрах, осиновый лес. В этот-то осиновый лес они и держали путь сегодня.

- А вот и озеро, ребята, - остановившись в нескольких метрах от берега, проговорил Миша.

На водной глади озера было много уток, они важно плыли по воде, подняв головы, покрякивали, ныряли, выплывали на поверхность и снова плыли. В небе над озером кричали белокрылые чайки.

- Тут, пожалуй, не успеем за всеми уследить! - сказала девочка Люся.

- Да, пожалуй, не успеем! - улыбнувшись, сказал Миша.

- А что, тут в озере, наверное, и рыба есть? - спрашивали дети паренька.

- Есть. Не успеешь закинуть удочку, смотришь - уже клюет! Тащишь - есть карасик или окунек. В прошлый раз я приходил сюда с дедушкой Степаном. Так вот, верите ли, ребята, за час я на удочку столько наловил, что и поднять не мог. Дедушка Степан научил:

- Давай, - говорит, - Мишенька, вычистим рыбу, тогда и легче будет.

И правда, когда вычистили рыбу, я сложил ее в рюкзак, поднял и домой притащил. Правда тяжело было, зато дома отец, мать и сестренки хвалили меня, когда кушали жареных окуньков, да карасиков.

- Ну что же, ребята, - немного помолчав, произнес Миша. - Сделаем привал, а кто желает попить, пускай попьет озерной чистой водички.

Сначала кто-то бело-желтые кувшинки из воды срывал, кто-то бруснику собирал, а кто просто стоял и смотрел на тихое голубое озеро. Так прошло несколько минут, а потом все сели на мягкий, как пух, желто-зеленый мох. Только мальчик Боря и две девочки: Люся и Галя, стояли, смотрели и думали - какая здесь красота! Видя это голубое озеро, сияющее яркое солнце и чистое небо над ним, а внизу кругом по его берегам зеленым лес.

- Вот бы так, как оно есть, да нарисовать! Нет! Нам так не нарисовать! - признались, вздыхая, они.

Так мечтала на берегу голубого озера маленькая группа сибирских школьников - пионеров.

- Ты, Миша, бери нас всегда с собой! Ладно.

- Ладно! - соглашается Миша, помалкивая о том, что не всегда бывают такие удачливые и хорошие деньки. Иной раз пойдешь на рыбалку или охоту, а тут тебе дождь. Так и проходишь попусту.

По команде Миши через десять минут мальчики и девочки были в осиновом лесу. Среди толстых деревьев росли густые заросли малиника, на ветках которых краснели спелые ягоды. Собирали малину всяко: кто прямо в рот, а кто в сумки, да корзинки. Когда набрали полные, вновь по сигналу Миши все как один были в назначенном месте сбора. Солнце стояло над лесом, жара спадала, подул легкий ветерок, на деревьях осин зашелестели листочки.

- Ну что, ребята, сейчас придется поднажать нам, - произнес Миша.

- Давай, Миша, жми, а мы подтянемся, - слышались голоса девочек.

Идут домой по лесной тропинке говорливые, как гуси. Идут и песню поют: «Есть песенка любимая у нашего звена, и дружба пионерская той песней скреплена...». Так, незаметно прошли болото, вот и бор густой и лесная сухая дорога. «Привал бы сделать, да передохнуть», - думал Миша, но он молчал и продолжал идти. Он думал об этих веселых девчатах, которым говорил, когда собирались в лес: «Девочки, вы будете хныкать, с вами одна канитель будет», а они смотрят какие - с песнями идут. И снова Миша думал о песнях веселых. Ему хотелось сейчас услышать любимую песню в вечернем лесу. Только он хотел предложить ее, как уже юные голоса ребят зазвенели:

*Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.*

Счастливые дети

В одной деревне западной Сибири проживала женщина, Анна Васильевна. Она много лет работала сельской учительницей, а сейчас на заслуженном отдыхе и живет на государственную пенсию. Муж ее, Анатолий Петрович, погиб на фронте в Великую Отечественную. У Анны Васильевны двое приемных детей Виктор и Лида. Их родители погибли во время войны. Годовалых взяла их Анна Васильевна к себе на воспитание.

Проходили года, подрастали дети. Виктор и Лида учились в школе, оба в пятом классе, оба отличники. Любили они читать разные книги, заниматься физкультурой, кататься на коньках, а особенно любили в зимнее время покататься по сугробам на лыжах. После занятий редкий

день проходил, чтоб дети не пробежали на лыжах по лесной поляне. Благодаря их желанию и любви к лыжам они оба были отличниками и имели значки по лыжному спорту.

Как-то в один февральский день, придя из школы, Виктор и Лида отправились на лыжную прогулку. Вечер стоял морозный, в воздухе насвистывал ветер.

- Ненастный сегодня вечер, - проговорила Лида, - того и смотри метель поднимется.

- Ничего, успеем проскочить. Подумаешь, какое расстояние - десять километров, - как бы огорчаясь, сказал Виктор.

- Ты какой-то вспыльчивый, Виктор, - сказала Лида.

- Да нет, я не вспыльчивый, а просто кажется, что ты, как будто чего-то боишься, Лида!

- Это тебе кажется, Виктор. А на самом деле скажу, по пионерской совести, что ты - то и я.

- Ну ладно, ладно. Я с тобой согласен, будущее покажет. Ведь у нас с тобой, Лида, так много всего впереди, - ласково проговорил Виктор.

Не успели они проехать по поляне километров пять-шесть, как вдруг потемнело, снег закружился, поднялась такая метель, что кругом стало ничего не видно. Виктор и Лида остановились, колючий снег облепил их лица, а ветер был так силен, что они не могли никуда больше двигаться.

- Вот и успели, - промолвила Лида.

Виктор хотел что-то ответить, но всматриваясь вперед, он только махнул рукою.

- Что это? - спросил он.

- Не могу сказать, - ответила Лида.

На снегу, совсем близко от них, шевелилось что-то.

- Что это? Кто это? А если волк! - перемолвились тихо они.

Виктор вынул из кармана фонарик. Сквозь густой, порывистый снег просочился красно-фиолетовый свет.

- Кто это? - послышался женский голос.

- Это мы, школьники-пионеры, лыжники, - проговорили в раз Виктор и Лида.

- А я, чего-то, будто испужалась, - говорила торопливо она.

А когда Виктор и Лида всмотрелись, то узнали ее - это был врач из района Татьяна Васильевна. Она старалась идти, но снег был так глубокий, что каждый шаг вперед требовал больших напряжений и усилий.

- Что, Татьяна Васильевна, Вас заставило быть здесь в такой буря? - спросил Виктор.

Женщина рассказала, что ее срочно вызвали по телефону в деревню к больному, ему была нужна помощь.

- Ну вот, не теряя ни минуты, собрала я все необходимое и поехала. А в дороге поднялся такой буран, что моментом перемело дорогу и заехали в такой сугроб, что ни туда, ни сюда.

- Видно здесь ночевать придется, - печально говорил шофер.

- Ну я и решила пробираться пешком. А вот видите, как пробираться - и больного не спасешь, и сама хоть пропадай.

- Да, печальная история, - проговорила с грустью Лида. - Мы - пионеры и мы должны помочь Вам, Татьяна Васильевна, - добавила спокойно она.

- Да, что вы, дети! Чем вы можете сейчас мне помочь, - с грустноватой, но доброй улыбкой говорила Татьяна Васильевна.

- Татьяна Васильевна, на лыжах вы можете ездить? - спросила Лида.

- Да, на лыжах-то я отлично бегаю, с детства тренировалась.

- Так вот, мое предложение такое, - произнесла Лида, - один из нас поедет на лыжах с Вами, а другой останется здесь, на поляне. Возражений нет? - обращаясь к Виктору, спросила она.

- Какой разговор, я и сам так думал! - ответил Виктор.

- Дорогие дети, за ваше предложение я очень вам благодарна, - сказала Татьяна Васильевна.

- Благодарить будете потом нас, Татьяна Васильевна, а сейчас спешите! - сказал Виктор.

- Физкультурой, Витя, занимайся, да почаще фонариком свети! - на ходу крикнула Лида.

Буран понемногу утихал. Через пол часа Татьяна Васильевна и девочка, разгоревшиеся и запорошенные снегом, торопливо скользили по окраине небольшой сибирской деревни Михайловка.

- Какая счастливая встреча, какие вы счастливые дети! - радостно улыбаясь, говорила Татьяна Васильевна.

А когда были у дома больного, то она крепко, ласково, как мать, прижала Лиду к себе, сняла с ног лыжи и подала ей.

- Сейчас я спасти больного спешу, а тебе, Лида, нужно спешить спасти своего брата.

И так все прошло благополучно. Буран совсем утихал, по сигналам фонарика Виктора Лида добралась туда, где он оставался. Было тихо, на небе блеснула серебристая луна.

- Ну вот и все. А ты говорила: «Буран, буран», - шутливо проговорил Виктор.

Когда они были посреди улицы своей деревни, около клуба было оживленно, слышались задорные сибирские частушки и песни девушек. Да и как же иначе, ведь сегодня 23 февраля, День Советской армии. Виктор и Лида домой вернулись радостные и довольные.

Врач Татьяна Васильевна вылечила больного и вернула ему самое дорогое, самое ценное - жизнь. Больной снова стал здоров и очень, от всей души, благодарил Татьяну Васильевну за оказанную ему срочную помощь. Татьяна Васильевна присела к больному и рассказала, как она поехала к нему, а потом поднялся по дороге буран. Как посчастливилось ей встретиться с пионерами: мальчиком Витей и девочкой Лидой, которые помогли ей ради спасения человека.

Прошла зима, наступила весна, подошел и веселый месяц май. А с ним и школьные экзамены прошли, сдали их ребята на «отлично». Както в один июньский день они были дома. В их комнате стоял небольшой книжный шкаф. Перебирая книги, Виктор выбрал одну – повесть Аркадия Гайдара «Школа». Гайдар - это писатель, который очень любил детей.

- Прочтем ее, Лида, - предложил Виктор.

А Лида перелистывала небольшую книжку под названием «Зоя».

- Нет, нет, Виктор. Я хочу про Зою, прочтем ее, Виктор, да?

- Вот ведь какая! – шутливо промолвил Виктор, - ну уж ладно, раз ты хочешь про Зою, то давай прочтем ее.

Он читал книгу не торопясь, с выражением, а Лида слушала, смотрела на него и немного волновалась. Она слушала и думала про героиню – девушку-партизанку. Ведь она была воодушевлена на подвиги, благородная цель этой девушки - служить только для мира и счастья советских людей.

- Ну, вот и конец, - с глубоким, взволнованным дыханием сказал Виктор. - И правда, Лида, хорошая ведь книжка, трогательная, - добавил он. А мы будем такими? - после некоторого молчания снова проговорил Виктор.

- Будем! - ответила Лида. Советские пионеры, Советские комсомолки только такими и должны быть, - снова сказала Лида. – Такие как Зоя, никогда не умирают, они бессмертны и вечно живут в сердцах русских людей.

- Ну вот, представь, - начал Виктор, - что сейчас война и к нам пришли фашисты. И отец был бы в партизанском отряде, место расположения партизан мы с тобой хорошо знаем и нас пытаются, бьют. Нам становится невыносимо больно.

- Ну и что, будем терпеть! - сказала Лида.

- А умирать будем?

Лида посмотрела на Виктора и ее веселые, серо-карие глаза, вдруг стали такими строгими, что он никогда еще не видел их такими.

- Умирать будем! Последние слова скажу, как Зоя: «Нас много, за меня вам отомстят».

- Да, я тоже так поступил бы, - проговорил Виктор.

После нескольких минут молчания Виктор снова спросил:

- Вот начали мы, Лида, своим мнением и впечатлениями делится и уже как будто бы мы герои, а в действительности докажем ли?

- Ты же комсомолец, Виктор! - сказала Лида.

- Да, я уже комсомолец.

- Ну и всё, какой разговор. Комсомольское слово в огне не горит и в воде не тонет. Дал слово – держи! Дал обязательство – выполни!

- Я совершенно согласен, Лида, - с восторгом произнес Виктор.

- Ну ведь войны сейчас нет, - промолвила Лида, - и зачем она. Советскому народу война не нужна, мы не желаем, чтобы молодежь умирала на войне! Советскому и всем трудолюбивым народам нашей планеты нужен мир, а не война. Наш народ хочет, чтобы все люди земного шара жили в дружбе и братстве, единой трудовой великой семьей. А героями мы можем быть и без войны: учиться упорно, трудиться в социалистическом обществе на благо и счастье людей. Подрастем, поучимся по-Ленински, поработаем по-коммунистически и сможем стать Героями социалистического труда.

- Сейчас нам с тобой, Лида, молодым комсомольцам надо всюду идти вперед, быть стойкими, иметь силу воли и выбиваться в передовики.

Слово «вперед» у Виктора получились как-то громко.

- Что вы тут, дети, не спорите ли о чем? - открывая из кухни дверь, спросила Анна Васильевна.

- Нет, нет, мама, мы не спорим! - ответили в раз Виктор и Лида. - Мы читали одну книгу о Герое Отечественной войны. Героиней в ней оказалась патриотка нашей Родины, молодая девятнадцатилетняя девушка Зоя. Прочитали и вспоминаем ее, делимся своими впечатлениями.

Анна Васильевна подошла к тумбочке, взяла школьные тетради детей и перелистала их страницы. Она смотрела, и на сердце у нее становилось приятно и радостно - учительские отметки показывали «5» и «4».

- «Четыре», «пять», - произнесла вслух Анна Васильевна.

С сердечной, мягкой материнской добротой потрогала детей по плечам и проговорила:

- Учитесь, дети! Трудитесь, читайте! Ведь книга - это друг человека, она вдохновляет вас на подвиги, она открывает человеку путь на светлые дороги.

Анна Васильевна прошла несколько раз по комнате и невольно остановилась, вдумчиво глядя на висевшие на стенах портреты.

«Вот Владимир Ильич Ленин, вот Александр Сергеевич Пушкин, вот Герой гражданской войны Иван Васильевич Чапаев». Она смотрела, думала и вспоминала каждого по-своему. Она знала, что каждый из них жил, боролся и трудился только для счастья народа.

Анна Васильевна присела за стол к детям. Она хотела что-то сказать, но Лида проговорила:

- Мама, мы хотим учиться и трудиться так, как учит наша Родина и коммунистическая партия Ленина. Мы хотим жить и работать по коммунистически и быть коммунистами.

- Прежде чем быть коммунистами, - произнесла Анна Васильевна, - надо вам, дети, вступить в ряды ВЛКСМ.

- Дак, мама, - произнес Виктор и вынул из левого кармана гимнастерки новенький комсомольский билет, вынула из бокового кармана кофточки и Лида свой. - Вот они, мама, - сказали в раз Виктор и Лида.

- Ого! Вы уже и билеты комсомольские имеете. Счастливые вы у меня, дети, - радостно улыбаясь проговорила Анна Васильевна.

Мстители.

Эпизоды Великой Отечественной войны 1941 года

Рукопись написана в 1980 году в четырех частях.

Главные действующие лица:

1. Сухарев Михаил - партизан-комсомолец;
2. Сухарев Саша - его брат, пионер;
3. Сухарева Людмила - их мать;
4. Мишин Василий Павлович – командир партизанского отряда;
5. Люся Родичева – партизанка;
6. Родичев Алексей Филиппович - отец Люси;
7. Морокуев Митрофан - старик-рыбак;
8. Галя - дочь лесника Якова Полетаева;
9. Забегалов Кирилл – житель Сосновки, партизан;
10. Бурьгин Павел – партизан;
11. Капитан Жорж – француз, коммунист;
12. Висенти - его адъютант, испанец;
13. Капитан Ганс – немецкий офицер, пленник;
14. Серебров Трифон – староста, предатель;
15. Окоемкин Мотюха – дезертир;
16. Старушка Аграфена;
17. Немецкий комендант;
18. Старушка Марфа;
19. Мальчик Юра, пять лет;
20. Тамара - подруга Люси.

Предисловие

Началась Великая Отечественная Война. В 1941 году Саше Сухареву было четырнадцать лет. Отец Саши пошел на фронт. Старший брат Михаил ушел в партизаны. В скором времени Людмила Васильевна, мать Саши, получила письмо с фронта не от мужа, а от командира воинской части. В письме сообщалось: «Многоуважаемая Людмила Васильевна, прискорбным будет для Вас наше письмо, но наш воинский долг сообщить Вам: Ваш муж, Николай Григорьевич Сухарев, погиб смертью храбрых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Полевая почта 1085. Командир майор Буянов. 12.07.1941 год.»

Тяжелое было время, а тут еще через несколько дней после письма

немцы заняли деревню Сосновку, где жил Саша с матерью. Мать и сын эвакуироваться не успели, как и многие другие жители Сосновки. Горе было тем, кто остался, а остались многие. Не проходил день, чтоб когонибудь не уводили в немецкую комендатуру, где их допрашивали и, нередко, избивали при допросах. Некоторых людей фашистско-немецкое командование угоняло в тыл, в Германию. Для тех, кто сопротивлялся или открыто отказывался - фашистские палачи быстро воздвигали виселицу. Эсесовцы быстро исполняли свое преступное дело. Сосновка была как бы перевалочной базой, в ней стояла хозяйственная рота по снабжению продовольственных и боеприпасных нужд немецких войск. Стоял еще и эсесовский отряд из отборных фашистских молодчиков. Он был назначен для безопасности и охраны.

Немцы жестоко расправлялись со старыми и малыми, но народ деревни Сосновка не падал духом, они боролись с фашистскими захватчиками всякими способами, старались мстить им за их злодеяния. Главное то, что многие сосновчане были связаны с маленькой группой партизан, которые находились в лесу за болотом, совсем недалеко от Сосновки. Взаимодействуя со своими односельчанами, они имели большие успехи в работе с Гитлеровским захватчиками.

Дорогой читатель, прочитав эту небольшую рукопись, вы узнаете не только наших советских славных людей, боровшихся с врагом, вы узнаете и наших зарубежных друзей - француза по имени Жорж, который служил в немецкой армии в звании капитана, цель службы которого была: защищать и помогать советским людям. Пусть он вас вдохновит. Пусть вас вдохновит и Василий Павлович Мишин, организатор партизан. Пусть вас вдохновит и старик Морокуев Митрофан Иванович и молодая девушка Люся, и четырнадцатилетний мальчик Саша Сухарев, и его брат Михаил.

Часть первая

В лесу было тихо, только сентябрьский свежий ветерок насвистывал, да слегка шумели верхушки деревьев. Стояло утро в небольшом сосновом бору. В тесной землянке за маленьким столом, сколоченным кем-то на скорую руку, сидели несколько молодых партизан. Они собрались решить какой-то вопрос. Начальник привстал, посмотрел на лица молодых партизан и произнес:

- Ну, товарищи, молодцы, поработали на славу Родине! От имени коммунистической партии Ленина объявляю вам всем благодарность!

- Служим Советскому союзу, - в раз раздались голоса.

После некоторой тишины начальник Мишин произнес:

- Товарищи, для того, чтобы еще больше нанести ущерб врагу, нам сейчас нужно выполнить важное боевое задание, трудное и ответственное. Короче говоря, нам нужно взять «языка». «Язык» не простой, офицерский.

Немного помолчав, окинув снова всех взглядом, Мишин спросил:

- Ну, кто?

- Товарищ начальник, кого назначите, тот и должен выполнить задание. Приказ начальника есть закон, - сказал один из партизан.

- Я вас понимаю, товарищ Бурыгин, и знаю вас всех. Знаю, что любой из вас готов выполнить задание, хотя бы оно и стоило вам жизни, - спокойным, тихим тоном ответил Мишин.

И снова добавил:

- Нам, товарищи, и жертвовать жизнью не нужно. Чтоб наверняка выполнить это задание, от нас требуется особая выдержка и находчивость. Тут требуется не только смелость, отвага и храбрость, тут надо все решить, как трудную задачу по математике: все подсчитать и взвесить, как на аптекарских весах.

- Товарищ начальник, разрешите мне выполнить это задание, - произнес молодой русоволосый парень. Повернувшись ко всем лицом, он сказал:

- От имени Советского народа, от имени Ленинского Комсомола я должен с честью выполнить это задание! - это был Сухарев Михаил Николаевич, ему было семнадцать лет, но внешне он выглядел здоровым, мужественным, а в его темно-голубых глазах сияла какая-то благородная ясность.

Знал Мишин, и знали все, что Михаил не раз ходил на рискованные задания и удачно выполнял их. Знали и то, что патроны, гранаты, автоматы, без которых они не могли бы вести борьбу с врагом, были добыты Михаилом! Мы знали все, что враг силен хитер и коварен, но Михаил умел разоблачить хитрость врага.

- Вам помощь нужна? - спросил Мишин.

- Нет, не нужна, - ответил Михаил. - Одно вам скажу, товарищ начальник, - добавил он, - сосновчане, наши родные и друзья, в трудные минуты не подведут, помогут!

- Вы знаете, товарищ Сухарев, что в Сосновке есть и предатели нашего народа?

- Знаю, - ответил Михаил. И снова твердо добавил: - Но задание я выполняю!

- Выполняете!

- Есть выполнять!

Взяв все необходимое Михаил вышел из землянки, вздохнув свежий лесной воздух, посмотрел на стройные сосны. С верхушек деревьев доносились голоса маленьких пташек «пилик-пилик», «пик-пик», «стрельни-стрельни» подпевала еще птичка.

- Веселые вы пташки, зачем мне вас стрелять!

«Ити-ити-ити» слышался голос еще какой-то птички.

- Пойду, пойду, милая пташка.

Проверив все, Михаил тронулся в ближний знакомый, но опасный путь. Пробравшись по лесным знакомым тропам, он был на берегу реки.

Михаил зашел в густой камыш и прислушался. Деревня Сосновка оставалась так близко, что он слышал, как что-то кричали немцы, прогудел мотор от какого-то дома, прокричал петух «ку-ка-ре-ку». Михаил подошел к самой реке, посмотрел на темно-желтую воду, она тихо, спокойно текла.

Солнце стояло ярко над лесом, верхушки деревьев горели как бы в зареве. Михаил подумал о прошлом, о своем детстве, о том, что связано с этим местом. Ведь совсем еще недавно, в начале июня, здесь, на реке, сосновские юноши и девушки дружно и весело играли, катались на лодке, пели песни. Он вспомнил о своих знакомых товарищах и девушках, с которыми вместе учились в школе. Мелькнули в голове Тамара и Люся! Ведь там, на реке, совсем близко, он занимался вместе с ними водным спортом, победительницей в соревновании оказалась Люся! Михаил вспомнил этих девушек и на сердце стало грустновато.

«Они меня уважали. Любили в весенние и летние вечера сидеть вон у той березы, а с ними и я сам. Читали книги, смеялись, шутили. Тамара любила читать Пушкина и Лермонтова», - подумал Михаил. «У Пушкина и Лермонтова большие, смелые и чистые сердца, за что я и люблю их», - говорила Тамара. Люсе больше нравился Тургенев. «Тургенев - это мое сердце», - говорила она.

Михаил знал и характер девушек, и что у Тамары дерзкое вспыльчивое сердце, а Люся имела какую-то особенную выдержку – уравновешенную. Всегда спокойная, кто-нибудь ей скажет неправду, а она махнет рукой и с приятной девичьей улыбкой проговорит: «Нет-нет» и отлетит это, как от стенки горох.

Вспоминая девушек, Михаил думал о том, что с ними и где они. На сегодняшний день он точно о них ничего не знал. Вверх по реке, недалеко в камыше, прокрякала утка. Михаил посмотрел на часы. «Да, пожа-

луй, артист дает позывной», - Михаил в шутку иногда называл своего младшего брата Сашу артистом. У братьев была ранняя договоренность – в этом месте давать секретный сигнал.

Осторожно, неторопливо раздвигая камыш, Михаил продвинулся и вышел почти на открытый берег реки. Сейчас ему хорошо было видеть стрежень крутого поворота или, как его называли старожилы, Петров перебор. Они говорили, что когда была война шведов с русским царем Петром I, тут был построен песчано-каменный мост, потому его и называли Петров перебор.

На звук утки Михаил дал отзыв, он просвистел по тетеревиному: «Виц-щи-и-щи» и быстро достав из сумки бинокль, стал наблюдать в сторону перебора. «Вот он! Он самый», - шептал Михаил. Он хорошо видел своего брата Сашу. Саша переходил перебор. Перешел его, повернулся, посмотрел кругом и скрылся в камышах. Через несколько минут братья стояли рядом, не веря своей удачной встрече. В рукопожатии Михаил спешно спрашивал:

- Ну, как дела, Сашок? Как мама? Что нового?

- Мама жива-здорова, - чистым, спокойным голосом отвечал Саша. - Часто вспоминает тебя. Говорит, когда спит, то во сне видит тебя. Беспокоится и обо мне, смотрит на меня ласковыми глазами и говорит: «Родился ты у меня, сынок, через чур смелый, забота мне».

- Что ж, брат, материнское сердце! Жалеет она нас, - глубоко вздыхая, говорил Михаил.

- В деревне у нас, Миша, тоже печальные новости: фашисты свирепствуют. Несколько человек угнали неизвестно куда. Ганичеву Тамару приговорили к смертной казни. Всему народу объявили выходить в центр улицы.

Слушая рассказ Саши, Миша чувствовал, как ненавистно трепеталось его сердце. Он стоял в раздумье, а потом с волнением и горечью в груди произнес: «Изверги! Гады! За что её?! - как бы успокоившись, спросил Михаил.

После некоторой паузы Саша продолжил:

- Все это, Миша, произошло на моих глазах. Я шел с рыбалки и на поляне встретил Тамару. Она шла на реку белье полоскать. Только я успел поравняться с нею, поздороваться, как из травы выскочили двое фашистов, в руках у одного был автомат. «Хальт!» – крикнул один из них. Я остался, а Тамара намерилась быстро уйти. «Стой! Стой!», - подбегая к Тамаре кричал другой фашист. Тамара молча остановилась. «Чего несешь? Куда идешь?» Тамара, показала корзину с бельем и объяснила,

что идет полоскать белье на реку, но немец с насмешливой улыбкой на лице уговаривал Тамару уважать и любить себя. Он схватил ее за руку и тянул силой к себе. «Пошли!», - алчным, охрипшим голосом говорил он. Тамара, упиравшись и вырываясь из рук фашиста, громко кричала: «Куда тащите меня?». «Не ваше дело!», - громко, зло прокричал второй. В это мгновение Тамара рванулась, и у фашиста в руке от рукава остался только лоскут ее кофточки. Фашист не уgomонился и снова хотел схватить Тамару, но та не растерялась и стукнула ему кулаком в лицо, он упал ничком на землю. А потом как заплачет, да застонет, даже жутко стало. Оказалось - крепко она ему стукнула.

- Дак вот, слушай, брат, - снова начал Саша. - Когда подбежал другой фашист с автоматом, он нацелился стрелять в Тамару, но не успел и затвором брякнуть, как автомат был уже в руках Тамары. Фриц испугался, поднял руки вверх и закричал: «Русь – гут! Гитлер – капут!». Тамара стояла победительницей. Мы хотели идти к речке вместе, но в это время по дороге пронеслась грузовая машина, в кузове которой стояли несколько фашистов. Увидев немца с поднятыми руками, машина остановилась и фашисты повыскакивали из нее. Узнав в чем дело, они кричали и галдели, как злые собаки. Тамару окружили, связали и бросили в кузов. Вот и все, что я знаю о ней.

После короткого молчания Михаил с горестью спросил:

- Ну, а к тебе не пристали?

- Нет, нет. Ничего не сказали, никакого внимания не обратили на меня. Машина развернулась и фрицы, попрыгав в кузов, быстро поехали обратно в деревню.

- Повезло тебе, Сашка! Счастливый ты, - промолвил Миша.

- Какое уж тут счастье, - тихо ответил Саша.

- Как какое? Могли эти звери и к тебе пристать!

- Мама говорила, что я в рубашке родился, - как бы в шутку, добавил Саша.

- Вот, видимо, потому и не пристали! - усмехнувшись сказал Михаил и, как бы спохватившись, спросил: Ну а Люся? Как Люся?

- По другому пути пошла, Миша. Она жива и здорова, вчера вечером я с ней секретно беседовал. Она очень жалеет и переживает, что не успела уйти вместе с вами. Говорила, что если бы довелось встретиться с тобой, то была бы очень счастлива.

- Значит любит, не забыла! - вслух подумал Михаил.

- Любит! Любит она тебя, Миша. Я ее испытал и спрашивал: «Может ты Ганса любишь?». Она посмотрела на меня и объяснила, что ненавидит

их. «Саша, пойми меня от всей души, что они для меня и всего нашего советского народа враги! И что врагов мы должны не любить, а бороться с ними. Бить и уничтожать их!», - сказала Люся.

- Обожди, какой Ганс? - перебил Михаил.

- Это немецкий офицер, он любит Люсю, это я точно знаю. Люся все рассказала мне о нем. Про нее брат не сомневайся - Люся его не любит, она девушка преданная нашей Родине. Она говорила, что он может пригодиться для нашего дела. Он имеет звание капитана, якобы, еще и Граф. В Германии он имеет большое имение. Он обещает, что если Люся даст любовное согласие ему, то станет графиней. Но это все ни к чему, брат. Люся все это презирает. Она ждет момента рассчитаться с Гансом, ты понял, Михаил?

- Понял, понял, Саша. А сама..., - сказал печально Михаил.

- А сама погибнет за честь, за Родину, как и Тамара, - ответил Саша и снова добавил, - а может у нее судьба другая и она погибнет как Анна Каренина.

Миша вскинул быстрый взгляд на брата.

- Ты уже успел прочитать такой роман, Саша.

- Главное, Михаил, заинтересоваться, полюбить книги, а успеть всегда можно.

- Молодец, браток, книга - это первый друг человека. Она вдохновляет нас на подвиги, на смелость, на жизнь, которую мы должны любить.

Немного помолчав, Михаил произнес:

- Родина сейчас ждет от нас, Саша, смелых подвигов. Ты пионер, Саша, я - комсомолец и мы должны, обязаны совершать подвиги и бороться с проклятым врагом. Ты знаешь, Саша, мне сейчас нужно выполнить задание. Мне нужен «язык». «Язык» не простой, а офицерский.

Саша прищурившись посмотрел на брата, улыбнулся и проговорил:

- Я тебе подскажу, вернее, помогу выполнить это задание. Часа через два придет сюда, на реку, офицер, о котором я тебе уже рассказывал. Придет с ним и девушка, известная тебе Людмила Алексеевна.

Михаил посмотрел с восторгом на Сашу и спросил:

- Неужели это правда? А откуда ты, Сашок, все знаешь это?

- Я тебе, Михаил, расскажу все потом, а сейчас время дорого. Одно скажу - верь, если Сашка сказал, значит не врет.

Михаил с изумлением думал: придет на берег сам офицер, да еще с девушкой, которая всегда мило лежала на сердце у него. Он ласково взглянул на Сашу и промолвил:

- Молодец, браток! Спасибо тебе!

- Спасибо будете потом говорить, а сейчас прошу вас, Михаил, приготовиться наблюдать за противоположным бережком. Вон, видишь, стоит толстая береза? Против березы, под бережком, лодка. Они будут на ней кататься, переедут на этот берег. Люся пойдет цветы собирать вон туда, - Саша махнул рукой в сторону Чайкина мыса и добавил, - но только точно не скажу - Люся одна или же с капитаном будет цветы собирать. Ты уж тут, Михаил, сам увидишь, как действовать. А пока я пойду рыбачить.

Попрощавшись с братом, Саша скрылся в густом камыше. Михаил же притаился в зарослях, он чувствовал, как у него волновалось сердце и как в голову лезли разные мысли: «А вдруг все не так получится? Вдруг, Ганс с Люсей не одни придут?».

Он взял в руки автомат тщательно проверил его, дополнил полностью диск патронами, крепко сжал руками и почти вслух проговорил: «Эх, была не была! Не Языки, дак фашистские трупы будут».

Время шло медленно, чего только за этот час Михаил не передумал. Но, вдруг, за рекой послышался разговор. Михаил прислушался, он хорошо уловил Люсин голос. Вот уже под той самой березой, как и говорил Саша, стояли двое. Сквозь густой камыш было трудно просматривать, но все же части фигур можно было уловить. Они стояли друг против друга. Михаил лежал в напряжении, тихо прислушиваясь к каждому слову и к каждому их движению.

- Как хорошо! Как красиво! Лес, река - как у нас в Германии, - говорил офицер.

- Нет, Ганс. Я с вами не согласна, - нежно зазвучал голос Люси. - Наши русские реки, наши леса превосходят ваши Германские. Они красивее и богаче.

- Я совершенно согласен с вами, Луса. Вот поэтому и воюем с Россией, чтобы завоевать эту красоту. Это русское чудо-богатство.

- «Нам не надо золотого кумира!», - послышались звонкие слова Люси.

- Хо-хо, это плохо, Луса, что вы от золота отказываетесь.

- Скажу вам одно, Ганс, - жадность к богатству, бывали такие случаи, часто приводит человека только к гибели. Я вам расскажу одну историю, мне ее рассказал отец, а ему рассказывал его дедушка. «Жил один человек. Он ограбил какого-то богатого купца. А потом с награбленными деньгами он уехал в восточный Казахстан. Там он хотел купить много земли, табун лошадей, стадо баранов и жить богато. Земля там тогда продавалась по своим законам: за день по солнцу. Какой круг с восхода до заката солнца покупатель обойдет, то этот участок земли его будет. И

вот, как только взошло солнце, он пошел и все торопился, торопился. К заходу солнца он дошел к назначенному месту, где стоял наблюдатель, и тут же помер».

Они некоторое время молчали. А потом Ганс сказал: «Он наверное очень устал, Луса».

- Да, да. Он устал, – повторила Люся. Из-за своей жадности, как говорится, он отдал Богу душу. Вот так бывает, Ганс, с теми людьми, которые думают добыть себе чужое богатство.

Ганс что-то непонятное бубнил. Люся, видя его огорченный вид, бодро сказала:

- Ладно нам о богатстве, давайте поговорим о природе. Я очень люблю цветы. А вы, Ганс, любите цветы?

- Очин лублу, лублу как вас Луса.

Люся весело хохотала, офицер закурил и улыбнулся. Он ничего не подозревал, что у этой русской девушки на сердце лежит не радость и любовь, а злость и ненависть. Сердце ее горело, оно стремилось мстить за Родину, мстить фашизму за подругу Тамару.

- Вы знаете, Ганс, вон на том берегу, около того мыса, растет много разных полевых цветов.-Указывая рукой на Чайкин мыс, громко говорила Люся. - Поплывем, Ганс! Хорошо!

- Карашо, карашо, это очин будет карашо для вас и для меня. Вы русская, карашоя, я лублу вас.

Офицер, видимо, коснулся лица Люси. Девушка быстро отвернулась и жестко громко сказала:

- Я ненавижу таких мужчин, которые бросаются на шею девушкам.

Наступила тишина, после короткой паузы снова был слышен голос Люси.

- Я же вам говорила, Ганс, что по русскому обычаю девушки любят только тогда своих влюбленных, когда они обвенчаются в церкви, сыграют свадьбу, на которой должны присутствовать все родные и знакомые. А уж потом они друг друга любят.

Офицер, видимо, не огорчился:

- Правильно, правильно, Луса. Через несколько дней будет наш венец, будет свадьба. Я вас увезу в Германию, в свое имение, ты будешь графиней, моей супругой!

Люся смотрела на него и, не придавая ненависти лицу, сказала:

- Идемте, Ганс.

Они спустились к берегу. Внизу, на воде, около ольхового деревца, стояла небольшая лодка. Отодвинув ее, Люся предложила:

- Пожалуйста, Ганс.

Ганс подошел к лодке, но только он коснулся ногами дна лодки, как она вертанулась и он упал прямо задом в воду. Люся засмеялась, но чувствуя, что офицер может рассердиться, она поспешно взяла его за руку и помогла подняться. Ганс стал подниматься, но опять поскользнулся и всей спиной булькнулся обратно в воду. Люся, не сдержавшись, засмеялась. Подавая ему руку она проговорила:

- А говоришь: «Я - моряк, я – моряк!»

Встав на ноги, Ганс ворчал что-то, но, видимо, сердился не особенно. Отряхнувшись и посмотрев на Люсю, он громко произнес:

- Вот потому меня вода и любит, что я моряк.

Люся повернула лодку и, крепко держа ее за борта, подбадривающе сказала:

- Ну, сейчас-то, Ганс, не упадете.

Осторожно, не спеша, он вошел в лодку и присел на корму. Взяв в руки весло, Люся, слегка оттолкнув лодку, прыгнула в нее. Стоя, она стала перебрасывать весло в воде. Стало тихо. Только слышно было как плескалась вода о борт. На противоположной стороне, в Гусином мысе, шлепнулись, переговариваясь, на воду утки.

Воспользовавшись утиным говором, Михаил отполз от камыша и сполз с пригорка в лощину. У куста дикорастущей розы он остановился. «Хорошая маскировка» - подумал он. А лодка быстро неслась вперед, Ганс покорно смотрел на Люсю. Он удивлялся её гибкой ловкости.

- Вы, Луса, настоящая морячка, - совсем тихим голосом проговорил офицер.

Люся ничего не ответила, молча кивнула головой и быстрее заработала веслом. Ее думы и взор были устремлены сейчас только на Чайкин мыс. Она вспомнила снова Сашу. Парнишка говорил о красивых цветах, о желании встречи с ними. Все это Люся подразумевала и знала, что через несколько минут лодка примкнет к Чайкину мысу. А там может свершиться ее желание, ее цель – счастье. Она мечтала и объяснялась с Сашей, открываясь ему всем сердцем, ведь встреча с Михаилом была бы для нее действительно счастьем.

До мыса оставалось несколько метров. Люся перестала грести. Лодка пошла медленно и тихо ткнулась о берег, остановилась. Девушка выпрыгнула, вышел неторопливо из лодки и Ганс.

- Ганс, вы чувствуете ароматный воздух? Это запах цветов, – говорила Люся.

- Кароший воздух, кароший, – повторил Ганс.

- Вы, наверное, Ганс, будете переобуваться и купаться, - сказала снова Люся.

- Да, да вы точно угадали, Луса, мне надо переобуться и искупаться.

- А я пойду пока цветы собирать, хорошо? – ласково спросила Люся.

- Пожалуйста, идите, рвите для себя и для меня обязательно.

- Для себя и для тебя, – на ходу ответила Люся.

Она спешила. Шла по траве, срывала на ходу цветы, озиралась кругом, всматриваясь в темноту. Но вдруг она остановилась. В трех шагах от нее рос куст дикорастущей розы. Около него Люся заметила, что что-то шевельнулось. Она подошла к кусту и замерла от счастья.

- Миша, ты? – тихо проговорила она, увидев Михаила.

- Здравствуй, Люся. Как я рад, что вижу тебя, милая, - шепотом добавил он.

Люся легла возле него, обняла и крепко, от всего сердца поцеловала. Она гладила руку Михаила и шептала:

- Миша, что могла - я сделала. А сейчас я в твоём распоряжении.

Михаил положительно мотнул головой, пожимая Люсину руку, шептал:

- Спасибо!

Он вынул из кармана пистолет и, подавая его Люсе, все так же шепотом сказал:

- Возьми.

- А тебе? – спросила Люся.

- Обо мне не беспокойся, - Михаил вынул из полы плаща автомат, погладил его:

- Вот он у меня, вороной. Слушай, Люся, я расскажу тебе, как надо обращаться с пистолетом.

Михаил взял в руки оружие.

- Пистолет этот трофейный, для того чтобы произвести выстрел, надо взвести на боевой взвод. Так. Потом нажать на спусковой крючок. А вот это предохранитель, он служит для того, чтобы не произошел случайно выстрел. Поняла?

Люся кивнула. Она взяла в руки пистолет и хотела проделать все то, что показал Михаил. В это мгновение Михаил приподнял голову и насторожился.

- Тссс, - прошептал он. – Что это?

- Ганс купается, - спокойно, почти вслух, промолвила Люся.

Михаил посмотрел на нее и тихо сказал:

- Ну, Люся, надеюсь на тебя. Прислушивайся к моему голосу. Я по-

ползу, время дорого. Сейчас подходящий момент, минуту упустишь, потом не нагонишь!

Михаил пополз по траве. А через несколько минут послушался строгий голос:

- Стой! Ни с места! Руки вверх!

Когда Михаил выскочил из травы, Ганс стоял спиной к нему. Он оглянулся и обмер. Шагах в шести на него был наведен ствол автомата. Он ничего не успел сказать. Остановился и покорно поднял руки. От неожиданности его объял смертельный страх.

- Не убивайте меня! Я граф! Я дам вам большой выкуп! - одумавшись, просительно вымолвил он.

- Какой выкуп? Сколько? - усмехнувшись, осведомился Михаил.

- Если отпустите - тридцать тысяч марок уплачу.

- Дешево, гад, хочешь откупиться! – подбегая с пистолетом в руках, крикнула Люся.

Увидев девушку, Ганс открыл рот и ахнул: «Хо-хо-хо!»

Не сводя пальца со спускового крючка, Михаил зорко следил за действиями своего пленника.

- Если будете покорно выполнять наши указания, то мы вас, граф-офицер, убивать не будем. О деньгах будем разговаривать потом. Сейчас слушай команду: «Кругом!».

Ганс повернулся, он стоял сейчас почти в чем мать родила. Одеты на нем были только трусы. Он то и дело вздрагивал, толи от испуга, толи от того, что на голое его тело садилась мошकारа.

- Господин начальник, посвольте мне отеться.

- Обожди, оденешься. А пока стой, не шевелись, – Михаил кивнул Люсе, – принеси все что у него есть там!

- Есть, принести! – ответила Люся.

Прошла минута, и Люся вернулась.

- Вот, Миша, все что было, я принесла.

Михаил метнул взгляд на вещи и сказал:

- Проверь тщательно карманы. А потом брюки, китель, майку и сапоги положи перед пленником. Кобуру, ремень и сумку подашь мне.

Быстро проверив карманы, Люся нашла в них портсигар, часы с толстой серебряной цепочкой и носовой платок. Положив все куда нужно, она хотела что-то спросить у Михаила, вдруг, неожиданно Ганс заревел каким-то протяжным воем.

- Кругом!

Пленник повернулся, утих.

- Что с тобою? – жестко спросил Михаил.

- У-у-у, не убивайте меня! – жалобно стоная, ворчал он.

- Я же вам сказал, граф-офицер, что если вы будете хорошо себя вести, мы вас убивать не будем. Вот ваша одежда, одевайтесь.

Капитан Ганс, видимо, подумал, что его будут расстреливать. Когда повернулся и услышал «одевайтесь», он так обрадовался, что стал усердно креститься и кланяться.

- А говорил: «Я - капитан», а сам плачет, - со злобой в сердце, улыбнувшись, проговорила Люся.

- Граф, а не капитан! – одеваясь, обидчиво проговорил он. – Что знаки у меня капитанские, то это мне еще до войны с Россией присвоил один гамбургский полковник: «Ты, - говорит, - богатый человек, граф Ганс, тебе положено военный чин иметь». Ну я его за это в винный погреб завел. «Пей, - говорю, - господин полковник, сколько в твою душу влезет». А вино было крепкое, двадцатилетнее. Он пил, пил, да так и упился, Царство ему небесное. Любитель был выпить. За вино он душу отдаст.

Михаил и Люся засмеялись.

- Ну, вот он и отдал Богу душу за вино.

- А вы, оказывается, липовый капитан, – Михаил улыбнулся и, бросив взгляд на Люсю, промолвил, - ну, что, Люсенька, сейчас нам надо побыстрее отсюда сматываться. Ты будешь путеводитель. Лесную тропу до Щучьего озера и дальше, до малиновой рощи, я думаю, ты знаешь.

- Знаю, как свои пять пальцев, днем и ночью пройду, - ответила Люся.

Раньше, до войны, она не раз вместе с Михаилом и другими девчатами, ходила на Щучье озеро на рыбалку, а иногда и дальше, до Малиновой рощи по ягоду. Она хорошо знала все тропинки.

- Это и хорошо, что и днем, и ночью, - ответил Михаил, - и добавил:

- Своя земля, родной лесок, знакомая тропинка. Они, как мать родная, хранят нас с тобою.

Было тихо. Над рекой стал сгущаться туман, начинало смеркаться. Где-то в лесу прокричал журавль «курлы-курлы».

- Пора! - уверенно скомандовал Михаил, - дистанция пять метров. Маршрут – пока на озеро, шаг средний, что заметишь – быстро сообщишь мне. Ясно, Люся.

- Ясно!

- Выполнять! Граф Ганс, слушай мою команду.

Ганс вытянулся и насторожился.

- Будете следовать за девушкой на расстоянии пяти шагов. Шаг в сторону – стреляю без предупреждения. Ясно вам, граф Ганс? – отрывисто,

как бы сгоряча, произнес Михаил.

- Ясно, начальник.

Ночь выпала не темная. На небе блестела светло-белая луна. Облака быстро двигались, и она то и дело попадала в тучи облаков, в это время становилось темнее. Но, как только луна отделялась от туч, делалось светло. Граф Ганс покорно брел за Люсей. Михаил шел сзади. «Только не нарваться бы на засаду», - иногда мелькала мысль у Михаила. Вот и просека. Михаил хорошо знал, что это грань между колхозной землей и кордоном лесничества. Все шло как будто хорошо. Кругом тихо, только нет-нет, да под ногами сучья треснут, да какая птица вспорхнет с дерева, пролетит мимо, пискнет и снова тишина. Вот и чаща показалась. Это было чистое торфяное болото. Пройдя немного по нему, Михаилу послышался позади топот шагов, он молча думал, что это значит.

- Стой на месте, граф Ганс, не шевелись. Люся, быстро ко мне!

Ганс стоял как вкопанный. Люся подбежала.

- Ну, что, Миша?

- Ты, наверно, устала, - дотрагиваясь слегка рукою до ее лица, спросил Михаил.

- Да, что ты, Миша! Разве я устаю, - приветливо улыбнувшись, ответила Люся.

- Люся, ты ничего не слышишь?

Девушка прислушалась.

- Да, слышу, какой-то топот по земле.

Оба прислушались.

- Да, топот. И совсем от нас близко. Эх! Позабыли мы, - как бы спохватившись проговорил Михаил.

- Что позабыли?

Михаил провел рукою по лбу, посмотрел грустновато на Люсю и, как бы виновато, вымолвил:

- Надо было нам лодку от берега оттолкнуть, пустить по реке. А мы ее оставили. Ее пятно - как знак врагу.

Михаил хотел еще что-то сказать, но Люся прервала:

- Миша, да разве я позабыла тебе сказать, ведь лодку я оттолкнула от берега.

- Неужели? - радостно проговорил Михаил. - Ну и молодец же ты у меня! А я слышал поговорку, якобы, у женщины волос долог, да ум короткий. А ведь все это не верно, правда, Люся?

Люся улыбнулась, промолвила:

- Один ум хорошо, а два - лучше! Ты вот, Миша, позабыл, а я вспом-

нила, когда пошла за одеждой Ганса.

- Это хорошо. Но вот, что это за топот? Неужели за нами погоня?

Михаил припал к лицу Люси и на ухо шепнул:

- Возьми у меня сбоку кобуру, отстегни, достань пистолет и приготовься к бою! «Убить пленника, оттащить его в сторону от тропы и сделать засаду», - мелькало в голове Михаила.

Отстегнув кобуру, Люся вынула пистолет и, проверив его, шепнула:

- К бою готова!

Но только она успела шепнуть, как позади, на болоте показалось что-то черное. Как раз в это мгновение на небе прояснилась луна и стало хорошо видно: бежал какой-то человек.

- Люся, ничего страшного нет. Прошу тебя сейчас бдительно наблюдать за пленником. Ясно?

- Ясно! – повторила Люся.

Неизвестный человек был в нескольких десятках метров от них.

- Стой! Кто бежит? Стой! Стрелять буду! – повторно окрикнул Михаил.

Шагах в пяти человек остановился. Остановился и тут же упал.

- Кто ты такой, отвечай быстро! – сурово окрикнул Михаил.

- Я из Сосновки, Кирюха Забегалов, - устало проговорил человек.

Михаил узнал Кирюху. Он был знаком с ним с первого класса, вместе в школе учились, вместе на рыбалку ходили. Словом, детство дружно вместе провели. Кирюха из себя парень был стройный, на язык острый, как говорят – за словом в карман не полезет. Но ругаться, спорить он не любил. Бывало, из ребят кто-нибудь поспорит, а он подойдет своими шутками, да прибаутками усмирит ребят. Перед войной последний год Кирюха стал самостоятельно работать. Он занимал должность заведующего избой-читальней. Некоторые называли его в шутку Лунатиком. Несколько лет назад, якобы, с ним произошел один случай, рассказывал сторож, который видел, что однажды ночью Кирюха забрался на самую макушку купола церкви. Он полазил по нему, а потом ловко, словно кошка, спустился на землю.

- Меня посадили фашисты в подвал и, наверное, хотели повесить. Три дня есть ничего не давали, но мне посчастливилось убежать, как видите.

Кирюха говорил устало, около левого глаза у него был синяк.

- Правильно, Миша, его наверное, повесили бы, - подтвердила Люся.

- За что они тебя так, Кирюха? – спросил Михаил.

- За то что мы - русские, а они - немцы.

Немного отдышавшись, Кирюха приподнялся, глаза его стали радост-

ные, оживленные. Он встал, выпрямился, всматриваясь в Михаила, радостно произнес:

- Здравствуй, Михаил Николаевич! Как я рад, что вижу вас с Люсей!

- Здравствуй, здравствуй, Кирилл Иванович!

Они пожали друг другу руки, как старые друзья.

- Люся, расстегни на спине ранец и достань сухари и сахар, подай ему. Человек уморился, пускай подкрепитесь, а за пленным я сейчас сам понаблюдаю.

Люся достала из ранца несколько кусков сахара и сухарей, подала Кириюхе.

- Спасибо, Люся!

- Пожалуйста, Кирюша. Как я рада, что ты жив остался. Ведь изверг подписал тебя к повешению. Да, что же я тебя беспокою! – как бы извиняясь, добавила она.

Кирюха был очень рад. Он был удивлен, ведь всего три дня назад он видел ее в деревне. Она шла с каким-то офицером, а Кирюха шел с лейкой на огород.

- Куда идешь, рус Иван? – спрашивал офицер.

- Поливать немцев, - выпалил Кирилл.

Офицер разгорячился, вынул из кобуры пистолет и крикнул:

- Кругом! Три шага вперед!

Он намерился стрелять, но Люся подхватила офицера за руку и твердо сказала:

- В таком случае, стреляй и в меня!

Видя, что его девушка серьезно огорчилась, он вложил пистолет в кобуру. Но на этом не уgomонился. Он что-то крикнул по-немецки двум патрульным, которые проходили мимо.

- Я же пошутил, господин офицер, - отозвался было Кирилл. – Вы же видите, я с лейкой, иду овощи поливать.

- Забрать! Посадить его в темный подвал! – с визгом прокричал офицер.

Люся начала его уговаривать, но патруль быстро поволок парня. Один фашист ударил Кириюху кулаком в лицо, а другой толкнул в спину и, не давая поворачиваться, поперли его. Кирюха видимо не струсил и громко крикнул:

- Все равно вам, господин офицер, не хозяйничать у нас!

Это Люся слышала и знала. И Кирюха знал, что Люся за него заступилась.

- Ну, вот и подкрепился Кирюха, теперь будет жить, - улыбнувшись

сказал Кирилл.

- А это кто у вас впереди стоит, как штык?

- А ты что, Кирюша не узнаешь этого дружка? – усмехнувшись, сказала Люся.

Кирилл устремился вперед, всматриваясь в лицо пленного офицера. А потом удивленно сказал:

- Чёрт подери! Это тот самый офицер, что меня посадил. Михаил, разреши я его сейчас...

Но Миша, не дав договорить, прервал его:

- Нельзя, Кирюха. Капитан Ганс нам даст большой выкуп, его надо беречь! – с усмешкой подмигнул Михаил.

- Начерта его, гада, беречь! Он наших людей вешал, не жалел. А сейчас хочет выкупом отделаться, - с гневом, горячась, произнёс Кирилл.

- Нельзя, нельзя, Кирилл Иванович! – склонившись над ухом Кирюхи, шепнул Михаил, - убить его мы всегда успеем, нам нужен его язык.

- Понял, понял, - отозвался Кирилл. – Вот это да! Копал нам яму, а сам в нее попал.

- Ну ладно, Кирилл, будешь следовать прямо за мной, ясно?

- Ясно! – кивнул Кирилл.

- А ты, Люся иди вперед. Маршрут тебе известен. Ясно?

Люся молча кивнула головой. И так, по узенькой торфяной тропе двигались четверо. Некоторое время шли молча, потом Михаил спросил:

- Меня интересует, Кирилл, как тебе все же удалось удрать?

- Меня посадили в подвал Романа Кузнецова, - начал тихо Кирилл. – Сам знаешь – подвал глухой, стены толстые. Около дверей круглые сутки стоял часовой. На одной стене была маленькая щелка в которую я всегда наблюдал как менялись часовые. Сегодня вечером, когда уже начинало темнеть, пришла смена. Новый часовой брякнул рукою о замок, а потом что-то по-немецки забормотал. Смеялся, дескать замок большой, рус никуда из стен не уйдет. Потом он вынул из кармана бутылку и стакан, налил и подал старому часовому:

- Пей!

Тот выпил, похвалил:

- Ух, русский самогон крепкий.

А потом он налил себе, выпил и тоже похвалил.

- Ну, счастливо оставаться! Не скучай! – уходя, проговорил старый часовой на ломаном русском языке.

А который остался, потряс бутылку, дескать, не скучно будет, самогон еще есть.

Это я вам, Михаил, говорю по своим соображениям, потому что я по-немецки не понимаю полностью. Ну вот, слушай дальше. Часовой присел напротив дверей на лужок. Он налил себе еще стакан из бутылки, выпил, но видимо не допил. Осторожно поставил стакан, а бутылку бросил в сторону и вынул что-то из кармана, толи галету, толи сухарь и стал грызть. В эту минуту мое сердце отчаянно стучало. У меня было все решено и подготовлено. В подвале стояла бочка, вставая на нее, мне удалось нащупать одну потолочину. Она свободно открывалась – это я проверил раньше. Вот тут-то я стал действовать. В несколько секунд я был на чердаке, а с него было окно без рамы и стекол. Оно находилось как раз напротив дверей, где сидел часовой. Я, как рысь, прыгнул сверху и без промаха. Угодил прямо на часового. Часовой крикнул и тут я не растерялся, автомат выхватил и давай лупить его прикладом. В горячке я не помню, сколько раз его стукнул, но когда я отскочил от него, он лежал недвижим.

- Молодец, Кирилл! Так их, гадов, и надо, - не отрываясь от наблюдения за пленным, поддакнул Михаил.

Немного помолчав, Кирилл продолжил:

- Не знаю, Михаил, почему я не оробел. Я оттащил в борозду грядки часового, а потом пополз по огороду. Дополз до поляны, привстал, посмотрел кругом и давай бежать. Добежал до реки, перешел Петров перебор и выйдя на тропу, остановился, отдышался, прислушался. Около деревни злобно лаяли собаки, видимо хватились фашисты, пустили вдогонку собак, думал я. Догонят – задерут они меня, но все к счастью обошлось благополучно.

Кирилл хотел что-то еще сказать, но видя, что Михаил махнул рукой вперед, и замолчал. Впереди был виден Щучий мыс, а там до озера рукой подать. Снова шли молча, потом молчание прервал Михаил, спросил:

- Ну, как, Кирилл, с врагом бороться будем? Вместе?

- Обязательно будем бороться, вместе! Бить будем проклятого фашиста, пока он не уйдет с нашей русской земли, - ответил гневно Кирилл.

- Бороться и бить врага – это одно, но надо быть всегда верным Родине, - добавил Михаил.

- О верности я могу присягу тебе дать, Михаил, - спокойно, деловито ответил Кирилл.

Михаил хорошо знал и надеялся на этого парня и только ответил:

- Хорошо, Кирилл, присягу будете потом давать, перед знаменем. В данное время наша с вами задача – выполнить задание – доставить его, -

указав на пленного, тихо промолвил он.

Кирилл шел рядом с Михаилом и с ненавистью смотрел на пленного фашиста. Он хотел опять что-то сказать, но Михаил тихо промолвил:

- Соблюдать тишину, бдительно следить за пленным, - он кивнул головой и устремился вперед.

На востоке чуть-чуть показалась узенькая полоска зари. Все шли молча. Каждый думал о прошлом, настоящем и будущем. Михаил думал о Люсе, о Кирюхе, что получилось все удачно. И «языка» доставим и двух своих в ряды партизан. Кирилл тоже думал и был доволен удачным побегом, встрече с Михаилом и Люсей. Вот уже забрезжил рассвет. До землянки осталось несколько сот метров. А еще через несколько минут слышался окрик:

- Стой! Кто идет? Стой на месте!

- Свои! – добавил Михаил. – Люся, ко мне!

- Миша, доставили! – промолвила Люся.

- Идет «Минск», ведет «языка».

По виду и по голосу часовой узнал Михаила, узнал Кирилла и Люсю.

- «Минск», ко мне, остальные - на месте! – окрикнул снова часовой.

- Ты что, Сережка-пирожка, не узнал? – подбегая к часовому, как бы по старой детской привычке, шутливо отозвался Михаил.

- Часовой. Закон порядка требует, товарищ Сухарев!

- Молодец, товарищ Пирогов! – так нужно действовать, одобрительно отозвался Михаил.

Пирогов посмотрел на немецкого офицера и проговорил:

- Свои-то, свои, а посмотри – какой-то фашист, верзила! Это ты, Михаил сумел доставить такого?

- Да, да, товарищ Пирогов, доставил фрица, да не простого, а офицерского. Толковать будем потом, - говорил Михаил, - а сейчас прошу вас быстро вызвать начальника!

Но не успел он дать сигнал, как из-за кустов вереса показался Мишин. С ним еще двое, у каждого в руках был автомат, а под ремнями подоткнуты гранаты.

- Вы как по духу узнаете, товарищ начальник, не успел я вам дать сигнал, а вы тут как тут.

- Не по духу, а по слуху узнаем, – ответил командир.

Он подошел к Мише и с гордостью посмотрел на него, вот, дескать, наши.

- Товарищ начальник, разрешите доложить! Ваше задание выполнено, офицерский «Язык» доставлен!

- Партизан Сухарев, вольно! Вот это да! Вот это здорово! – всматриваясь в пленного офицера произнес Мишин.

После паузы Миша сказал:

- Забегалов и Люся, прошу не отвлекаться, охранять пленного!

Михаил снова, более подробно рассказал начальнику о встрече с Люсей, о победе Кирилла.

- Это же прямо чудо! – выслушав Михаила, удивленно говорил командир. Он дал команду отвести пленного офицера под строгий надзор.

- Хенде хох! – сопровождая пленного, крикнул один из партизан.

- Он, товарищ Бурьгин, по-русски хорошо знает, - промолвил вслед уходящим Михаил.

- То хорошо, - поворачиваясь на ходу, отозвался Бурьгин.

Командир пригласил всех присесть на поваленную бурей валежину. Только теперь все трое подошли к нему и поздоровались. Каждый крепко пожимал ему руку и он приветливо произнес:

- Поздравляю вас, юные друзья, и благодарю за выполнение этого важного сейчас для нас задания. Я горжусь вами! Вы способны жить, работать, бороться и служить Родине. Служить нашему народу, нашей родной коммунистической партии Ленина! Я буду ходатайствовать перед командованием о награждении вас правительственными наградами.

Он говорил неторопливо, но воодушевленно.

- Вы извините, Василий Павлович! Я не передал вам вот эту сумку офицера. Она с документами, мне некогда было их просматривать, - он подал сумку командиру.

Тот расстегнул сумку, вынул из нее какую-то небольшую книжку с черными, как смоль, корками. И коричневую папку с какими-то документами. Сначала он взял книгу. Бегло перелистал ее страницы, долго смотрел, а потом сказал:

- Тут, товарищи, говорится много неправды, я вам коротко перескажу. В ней говорится, что дескать, немцы и их арийская кровь выше и лучше всех на земном шаре. Что только арийская кровь чистая, благородная, а остальные все низкие и ничтожные.

Положив книжку и раскрыв папку, командир просматривал и читал разнообразные по цвету бумажки. Иногда он останавливался и только покачивал головой. А когда закончил, посмотрел на всех и вежливо промолвил:

- Да что вы, товарищи, неужели вы не устали? Садитесь, пожалуйста.

Рядом с ним все стояли и по приглашению сели на валежину.

- Вот вам и чистая арийская, благородная кровь, - снова начал коман-

дир. – Оказывается у этого ярого фашиста на счету сто пять убитых и измученных лучших латышских и русских комсомольцев и коммунистов. Об этом, товарищи, свидетельствуют документы. Отец его был священником, мать немка, она живет в Германии и у нее богатое имение. И вот, видимо, за дикую, репрессивную службу генералом полковником Фоко Вульфом подписан приказ о долгосрочном отпуске капитана графа Ганса в Германию. В конце листа генералом наложена виза до особого распоряжения. Здесь еще и важные документы. Есть схема-карта, планы наступления немцев. Это нам немедленно нужно переправить через линию фронта, в штаб. Тут есть еще кое-что важное для нас, но задерживать я вас, товарищи, не буду. Скажу, что я просто удивлен, каким все же образом вам удалось доставить без сопротивления этого, как его назвал товарищ Пирогов, «ярого верзилу».

- А вы знаете, Василий Павлович, что убийцы и преступники обычно бывают трусы, - проговорил Михаил.

- Я с вами совершенно согласен, Михаил Николаевич! – сказал командир и снова добавил, - ну что ж, друзья, сейчас идите отдыхать, подкрепиться. Сутки я вам даю на отдых. Хватит?

- Что вы, Василий Павлович, часами надо ограничиться, а не сутками, - проговорил Кирилл и добавил, - сейчас война, и мы пришли сюда не на курорт, чтобы сутками отлеживаться.

Командир улыбнулся, посмотрел на Кирилла и, как бы слегка усмехнувшись, сказал:

- Молодец, Кирилл Иванович! Я вижу - хороший из тебя будет партизан.

- Заранее, Василий Павлович, не хвалите, - молвила Люся.

- Нет, нет, Людмила Алексеевна, законно могу всех вас со славою хвалить и еще надо похвалить славного пионера Сухарева Сашу. Это, товарищи, будет настоящий Ленинец.

- Да, Василий Павлович, мы вам не сказали печальную новость. Фашисты повесили Ганичеву Тамару, - промолвил тихо, с грустью Михаил.

- Эх, варвары! Кровопийцы! – набивая в трубку табак, взволнованно проклинал Гитлера командир.

Немного помолчав, затянувшись дымком, он посмотрел на Люсю и сказал:

- Я знаю, Людмила Алексеевна, что Тамара была вашей подругой.

- Мстить будем гадам! – огорченно повышенным тоном произнесла Люся и сразу добавила, - кровь за кровь, Василий Павлович!

- Да, да, Василий Павлович, - начал Кирилл. – Я тоже за то, чтобы

этого варвара-верзилу, который доставлен сюда, погубить своими руками! А как же иначе? Война, есть война, врагов надо бить!

Командир поднялся не оглядываясь и положительно кивнул головой в сторону небольшого соснового бора. За ним поднялись и пошли все. На подходе к землянке вновь прибывших Кирилла и Люсю приветливо встречали партизаны. А так же со славою поздравляли Михаила Николаевича Сухарева. Каждый с восторгом пожимал им всем руки и расспрашивал обо всем. Кто-то приглашал поесть, кто-то отдохнуть и спокойно поспать, но у каждого на душе была гордость за товарищей и радость от встречи с ними.

Часть вторая

Сегодня рано утром, чуть свет, у немцев в Сосновке был полный переполох: в подвале не оказалось русского парня, посаженного туда капитаном Гансом. А часового нашли в огороде убитым. Труп повешенной девушки Тамары Ганичевой тоже не оказалось. Не оказалось и часового, охранявшего труп девушки. Полковником государственной безопасности дано строгое указание - обыскать все дома, осмотреть все пристройки. Всех подозрительных или в чем-либо замеченных - немедленно арестовывать и брать под строгий надзор. Коменданту было дано указание найти капитана Ганса, которого утром тоже не оказалось на своем месте.

Но сколько фашистские молодчики не искали, ничего нужного в деревне не нашли. Только по доносу старосты-предателя Трифона Серебров был в тот день арестован семидесятилетний старик Морокуев Митрофан Иванович. В немецкую комендатуру предатель заявил, что как будто какие-либо преступления в деревне без его ведома не обходятся, но больше не было никаких улик. Серебров имел зуб на Митрофана еще с Гражданской войны. Митрофан был гвардейцем и защищал революционный Петроград, а Трифон служил у генерала белой армии Юденича. Армия Юденича наступала на Петроград. Серебров был зол на Митрофана, потому что он разоблачил его, что тот служил в белой армии. И еще одно - Серебров думал, что по учению Митрофана он был разоблачен комсомольцем Каратаевым как вредитель колхоза. После этого всего Серебров на Митрофана имел зубок. Сейчас Серебров предатель и враг всего советского народа. И именно по его доносу был арестован и приговорен к повешению Митрофан Иванович. Когда Митрофана привели к виселице, Серебров стоял и смотрел с лукавой улыбкой.

- Чего усмехаешься, подлец, - громко произнес Митрофан.

- А что, плакать об тебе что ли? Ты мне за жизнь и так насолил. Надоел.

- Вот ты-то и надоел нам, - раздался из толпы чей-то громкий голос. А потом кто-то подхватил:

- Тебя самого, идиота, надо повесить, а не Митрофана.

Народ загалдел кто что! Поднялся шум, крик, ничего не разберешь, только после нескольких выстрелов немного приумолкли.

- Смирно! - по-русски раздалась команда, и к виселице приговоренного подошел полковник Эллер. Он бросил мерзкий взгляд на Митрофана и сквозь зубы процедил, что страна Русь великую Германию, немецкий закон и немецкую культуру не признает. Митрофан ухмыльнулся, бросил острый взгляд на полковника и спокойно произнес:

- О, господин начальник, вашу великую Германию, ваш немецкий закон и культуру я признал еще в 1914 году, когда был в плену в Германии.

О немецком законе Митрофан хотел что-то еще сказать, но в это мгновение из толпы вышел какой-то офицер со знаками капитана. Он подошел вплотную к Митрофану и поднял руку в знак молчания. А потом быстро подошел к полковнику Эллеру, что-то строго поговорил, тот в ответ что-то бормотал охрипшим голосом. Капитан снова подошел к Митрофану, хлопнул его рукой по плечу и проговорил:

- О, старина русс, хвалю вас за то, что вы были в нашей Великой Германии и еще за то, что вы признали нашу немецкую культуру и закон. За это отменяется вам казнь и даруется жизнь.

Он по-доброму улыбался и, повернувшись к охранявшим палачам, дал команду разойтись. Народ, который присутствовал при этом - старые и малые, мужчины и женщины, был очень рад и очень удивлен такому помилованию.

Через несколько минут все разошлись по домам, улица опустела, только патрули бродили кое-где, перекидываясь перебранками. Из одного дома на дорогу юркнул мальчик лет пяти. Он перебежал дорогу и хотел поднять мячик, брошенный каким-то немцем. Послышался голос патруля:

- Хальт!

А потом раздался выстрел, мальчик упал. Прошло несколько минут прежде, чем он поднялся. По правой руке текла кровь, он плакал и шептал: «Бабуська Малфа, бабуська Малфа». Перед мальчиком вместо бабушки стояли два патрульных. Они что-то сердито бормотали, но вот бабушка вышла из дома на улицу и, увидев на дороге своего внука,

сгорбившись, с клюкой подошла к нему (она была старая и ходила только с палкой). Увидев на руке ребенка кровь, она ахнула. Старческое сердце вскипело, разгневалось:

- Варвары! Супостаты! - бросив взгляд на патрульных, крикнула она.

Один из ээсовцев сбросил с плеча автомат и прямо в упор дал короткую очередь по старой женщине. Бабушка упала. Последние ее слова были слышны: «Варвары! Убийцы!». А убийцы по дороге пошли спокойно дальше. Мальчик стоял над бабушкой, плакал и кричал: «Бабуська! Вставай! Валвалы ушли», но бабушка лежала недвижимо.

Услышав, что дедушку Митрофана помиловали, Саша Сухарев очень обрадовался. Он надумал проведать его. По дороге услышал выстрел и прыгнул на чердак одного из пустых домов. Оттуда и наблюдал за зверским поступком фашистов. Когда они ушли, Саша спрыгнул с чердака. Осмотревшись по сторонам, торопливо подошел к мальчику:

- Юра, не плачь. Бабушка не встанет, ее убили фашисты, - Саша взял на руки мальчика и понес в дом.

Дома у Юры не было никого. Отец на фронте, мать куда-то угнали фашисты, жил он только с бабушкой. И вот сейчас ее не стало. «Бедный мальчик», - думал Саша. На пороге в избу их встретил только серый кот, который жалобно промяукал.

- Васька кусать хочет, - как бы успокоившись, проговорил Юра.

- Подожди-ка, Юра, Ваську будем потом кормить, а сейчас надо сделать тебе перевязку.

Саша посадил Юру на кровать, обмыл свои руки и обтер их полотенцем. Потом подошел к Юре, обмыл водой рану, где царапнула пуля. В шкафу нашел небольшой кусок марли и забинтовал мальчику руку.

- Ты, Саса, как доктол умеешь.

- Юные пионеры должны все уметь, они обязаны заботиться о младших, - ласково говорил Саша.

В избе было тихо, только слышно, как на стенке тикали часы-ходики. На плите стоял чайник, из которого шел пар, пахло заваренной мятой. Около плиты стояла табуретка, на которой лежали вязальные спицы, они были закреплены в клубке шерстяных ниток. Бабушка, видимо, начинала что-то вязать, да так второпях и оставила.

Постояв несколько минут, Саша посмотрел на Юру, начинавшего дремать, и ему стало грустновато. Он вышел во двор, около сарая стояла маленькая тележка. Быстро выкатив ее на улицу к месту, где лежала бабушка, он мигом погрузил на нее бездыханное тело и снова был во дворе. Закатив тележку в сарай, Саша зашел в избу. В избе было тихо. Юра

спал, рядом с ним на кровати лежал, мурлыча, кот. Саша стоял и смотрел на спящего Юру. Он вспомнил его отца Федора, который работал в колхозе, он был хорошим трактористом. А потом вспомнил девушку Тамару, и вот в голове мелькнула бабушка Марфа, ведь она еще совсем недавно была жива. Саша сжал кулак и подумал: «Эх, был бы я сейчас Ильей Муромцем...», мысли оборвал стук в дверь.

- Да, да, войдите! - произнес Саша.

Дверь открылась, в избу вошел Митрофан Иванович.

- Здравствуйте, - сказал он.

- Здравствуйте, Митрофан Иванович. Как я рад, что вижу вас, садитесь, - подставляя табуретку, ласково говорил Саша.

Мельком окинув глазами кругом избу, Митрофан присел, немного помолчав, спросил:

- Наверное, бабушке помочь пришел?

- Теперь, что ей помогать - гроб сделать, да похоронить - вот наш долг.

Несколько минут помолчали.

- Что ты, Саша, говоришь? - смущенно спросил Митрофан, видимо, ничего еще не знавший о случившемся.

Он трогательно посмотрел на Сашу и тихо спросил:

- Говоришь - бабушка неживая?

- Да, Митрофан Иванович, ее убили эсесовцы, бандиты.

- Убили? Где? За что? Я ничего не знаю! - с волнением расспрашивал Митрофан.

И Саша рассказал:

- Это случилось час назад. Кто-то из немцев бросил на дорогу мячик, Юра увидел и бросился бежать за ним. Один из фашистов крикнул: «Хальт!», но мальчик продолжал бежать за мячиком. Фашист выстрелил, и Юра упал, но, к счастью, пуля чуть-чуть задела правую руку мальчика, царапнула, но кровь текла. Мальчик плакал, звал бабушку. Прошло несколько минут и бабушка, видимо, услышала его. Она вышла на улицу и подошла к внуку, но увидев на его руке кровь, разгневалась и закричала: «Варвары! Супостаты!». Фашисты стояли в нескольких шагах. Один из них снял с плеча автомат и дал короткую очередь по бабушке.

- И ты, Саша, все это видел? - вздохнув, спросил Митрофан.

- Я был на чердаке дома Каратаевых. Мне было хорошо оттуда все видно. Когда фашисты ушли, я спрыгнул с чердака и подошел к мальчику, принес его домой и сделал перевязку, и бабушку привез, она в сарае.

Митрофан посмотрел на Сашу, потрогал рукою бороду, вроде, гладил

ее и проговорил:

- Ну и молодец же ты, Сашка, неплохой бы из тебя разведчик был.

- Да я не в разведке был, Митрофан Иванович, я просто услышал, что вас помиловали, и был так рад, что не мог не прийти послушать вас, поговорить с вами.

- Меня вот, Саша, сам знаешь, хотели повесить, но мир, как говорят, не без добрых людей. Немецкий офицер отменил казнь и дал мне еще пожить. Офицер имеет звание капитана, но он добрый человек, он помогает, он за нас, за русских.

- Это я знаю, - ответил Саша. - Это военная тайна, Митрофан Иванович.

- Правильно, Сашок. Военная тайна.

Немного помолчав, Митрофан начал:

- Среди нас есть и такие подлецы, как Трифон. А вот Яков, младший брат Трифона, человек хороший, я знаю его как свои пять пальцев. Почти всю гражданскую войну с ним вместе воевали, вместе гнали царского генерала Юденича из Петрограда, а под конец войны - адмирала Барона Врангеля, засевшего на юге в Крыму. Как сейчас помню - вместе с Яковым шли вброд по соленному Сивашу. Кругом тьма, дождь, трудно было. Но мы все же перешли Сиваш и штурмом взяли Сивашский перекоп. В конце 1922 года вернулись мы оба в деревню, а Трифон вернулся только в 1925 году. Он говорит, что тоже был в армии, только не в красной, а в белой, в армии генерала Юденича. Вот как, братец, оказывается, что мы сосед с соседом, брат с братом воевали.

- Ну, а его судили? - спросил Саша.

- Да нет, его вызывали и не раз. А потом так и пошло. Это же такой подхалим, что ай, да-ну! В воду подает, а из воды сухим выйдет! О его прошлом я могу тебе еще добавить, когда у нас в Сосновке организовался колхоз, то Трифон сразу в колхоз не пошел. А потом, увидев, что большинство людей дружно идут в колхоз, говорит: «Ну, что ж, все идут, и нам надо». И присоединился. Стал он работать животноводом. В одно лето в колхозе стал пропадать скот - что ни день, то две-три коровы пропадало.

- А ветеринар что? - спросил Саша.

- Ветеринар признавал, что скот пропадает от ядовитой травы. Сколько пастухам нагоняя давали, ругали. Зачем, говорят, пасете скот на таких травах. А в последствии выяснилось, что скот отравлял сам животновод, то есть Трифон. Лекарство ядовитое и порошки давал ветеринар, друг Трифона.

- А как все об этом узнали, - спросил Саша.

- Шило в мешке не утаишь. Стали следить, замечать и все выяснилось. В этом деле я сам помог, короче говоря, это дело раскрыл комсомолец Сергей Каратаев, он погиб на финском фронте в начале 1940 года. Хороший парень был, активный, он на баяне играл. В 1939 году был по району объявлен конкурс на лучших баянистов, так он взял первое место.

Митрофан помолчал, вытер старческую бороду и снова зазвучал густой его баритон.

- Как-то у Трифона была вечеринка, в честь чего я не скажу, знаю лишь, что на вечеринку был приглашен Сергей и тот самый ветеринар, Осипом его звали. Пригласили гостей за стол, стаканчики забрякали. Пустые стаканы вином доливались, словом, вино потекло каждому по устам. Немного времени прошло, гости повеселели, кто-то уже песню запел «Когда б имел золотые горы и реки полные вина...», гости веселились. Сергею предложили сыграть на баяне, тот взял инструмент, накинул на плечо ремень, начал краковяк. Гости пара за парой поднимались, закружились в танце, и в этот самый момент зашла на вечеринку Полетаева Валя. Валя любила Сергея, а он любил ее, все считали, что она невеста Сергея.

- Это я знаю, Митрофан Иванович. Я сам провожал Сергея до Ленинграда, провожали и девушки: Люся, Тамара и Галя. Провожала и Валя. На прощание, я помню, Сергей сказал: «Валя, жди меня, я вернусь». Но не вернулся. Не прошло и месяца, как пришла похоронка.

С минуту помолчав, Митрофан продолжил:

- Так вот, Валя зашла и прямо Сергею говорит: «Что со мной не хотел выпить, а здесь...», «Валя, я же тебя уважаю, люблю, но ведь надо и других уважать», - произнес Сергей. Валя слушать не хотела, она схватила у него баян и пошла к выходу. Сергей за ней. «Нет, нет, Сергей, не уговаривай. Раз ты хочешь других любить, то люби, а я пойду», «Валя, Валя, одну минутку, посмотри, как я тебя люблю и уважаю», - Сергей подошел к своему пальто, вынул из кармана бутылку водки, выбил из нее пробку и выпил до дна. Отдышался и проговорил: «Это по-нашему, по-русски, по любви». Гости шутили, смеялись: «Вот это любовь, так любовь!». «Ну, что ж, гости дорогие, не осудите меня, признаюсь - люблю я ее», - говорил, весело улыбаясь, Сергей. Валя ушла, а Сергей, опьяневший, вскоре упал на пол, а потом его положили на диван. Сам хозяин, Трифон, был изрядно пьян. «Любовь ведь не картошка, не выкинешь из окошка», - заплетавшимся языком повторил несколько раз он. Время шло, гости

стали расходиться по домам. В горнице остался один ветеринар, да Сергей, спавший на диване. Трифон и Осип сели за стол, и пошли у них душевные разговоры. «Знаешь, что, Осип, ты мне побольше порошков заготовливай, мы должны не только скот, мы должны вот и таких...», - Трифон указал рукой на диван, где спал Сергей. А Сергей-то был совсем не пьян и все это слышал. В бутылке-то была не водка, а чистая водичка. Это все заблаговременно было подготовлено Валею и Сергеем. Вот так и были разоблачены два вредителя колхоза. Вот такие вот дела были, Саша.

- Ну, и что потом? - спросил Саша.

- Потом дали им десять лет, отсидели, пришли снова. Трифон, паскудник, продался немцам, и своих людей продает.

- Долго не будет, - промолвил Саша. - На днях ухожу в лес, возьму невод и буду на озере рыбачить, Митрофан Иванович, а вас буду навещать.

- Пожалуйста, Саша, Щучий мыс тебе знаком. Так вот, братец. Если какие-нибудь новости будут в Сосновке или у тебя, то мы должны друг другу сообщать. Только никому ни гу-гу, понял?

- Ясно, - деловито ответил Саша.

- Дай руку, - семидесятилетний старик, побывавший на трех войнах: Японской в 1905 году, Империалистической в 1914 году и Гражданской в 1918 году, крепко пожал руку четырнадцатилетнему мальчику-пионеру. - Я надеюсь на тебя, как на вашего отца, он был настоящим человеком, коммунистом. А ты Саша - вылитый отец. Помнишь, как раньше - придете вы с Николаем Григорьевичем зимним вечером ко мне, сидим с вами, советуемся, рассказываем о прошлом, размышляем о настоящем.

- Помню, Митрофан Иванович, всю жизнь буду помнить. Например, о прошлой вашей жизни, как в 1905 году, во время японской войны, вы служили на японском корабле, и как ваш корабль «Александр Невский» разбились японцы и он стал погружаться на дно морской пучины. Но русские матросы в те самые минуты все равно не падали духом, они пели песни и кричали: «Ура! Умрем, но врагу не сдадимся!». Я как-то маме рассказал, как горел корабль и как вам пришлось чудом спастись, продержаться на воде более двух суток только при помощи мачты. Я рассказывал, а у нее на глазах слезы появлялись. А когда рассказывал про то, как вы из плена из Германии бежали в 1914 году, так она со смеху покатывалась, особенно, когда я ей сказал, что вы женщиной нарядились, которая ребеночка родила, а он «агу-агу». При помощи всего этого

вам удалось все опасные места пройти и вернуться благополучно на Родину.

- Да, Сашок, на своем веку многое мне пришлось повидать и плохого, и хорошего, сладкого и горького.

Митрофан ласково посмотрел на Сашу, глубоко вздохнул и произнес:

- Я, Саша, в своей жизни сладкого мало изведаль, ну а горького - целую чашу испил. Все эти горести приносит нам война, ведь если б не было на земле этих проклятых войн, то человек тогда был бы счастлив, спокойно трудился и жил бы прекрасно.

После короткой паузы Саша спросил:

- А как вы думаете, Митрофан Иванович, настанет ли такое время, что не будет войн?

- Да, Саша, настанет тогда, когда люди на земном шаре будут все равны. А раз равные, значит человек человеку друг, а друг друга только любит и уважает. Народу надо еще много бороться за жизнь и равенство.

- А мы, юные ленинцы, и будем бороться! - проговорил Саша.

Он хотел еще что-то сказать, но в сенях что-то стукнуло. Митрофан строго посмотрел на Сашу и указательным пальцем дал знак молчать, быстро подошел к двери, но едва он вступил на порог, как дверь распахнулась, и в избу зашел пожилой человек среднего роста. Это был Алексей Филиппович, отец Люси.

- Здравствуйте, - торопливо произнес он.

- Здравствуйте, Алексей Филиппович, - ответили враз Митрофан и Саша.

- Что с тобой? – глядя на взволнованного по виду Алексея, спросил Митрофан.

- Был в комендатуре почти целый день, пытали, страшат виселицей, - огорченно ответил Алексей.

- Это вас, наверное, на счет дочери. Ваша дочь мужественная, смелая девушка, а смелость города берет, ведь так сказал русский полководец Суворов? - говорил Саша.

- Суворов это сказал давно, а вот что сказал сейчас комендант Алексею Филипповичу - это интересно, - проговорил Митрофан.

- Ну, что ж, скажу вам, друзья, - приседая на стул, начал Алексей. – Первое, о чем меня спросили: «Ну, что, русс Иван, что вы знаете о своей дочери Лусе». «Ну, что я скажу, господин комендант, - говорю ему, - моя дочь, видимо, купалась и потонула». «Это не свидетельствует и на это я не буду вам бессмысленно отвечать! - прокричал с визгом комендант. - Я спрашиваю вас, русс Иван, что вы знаете последнее о дочери?».

Он, друзья, почему-то все Иваном меня называл. «Пожалуйста, - снова говорю я, - скажу то, что знаю. Позавчера вечером пришел к нам ваш офицер, поздоровался со мной и по латышски произнес, что нравится ему моя дочь». «А вы, Иван, понимаете по латышски?» «Понимаю немного», - говорю я ему. «Это хорошо, что вы понимаете. Может слышали и знаете Мильгрависа?» - поколачивая пальцами по столу, хмуря брови, говорил он. «Нет, господин комендант, не слышал про такого, не знаю». «Это знаменитый латышский человек, борющийся с коммунистами и комсомольцами. А наш человек, полюбивший вашу дочь и вас - его племянник. Вы, русс Иван, должны гордиться, что за вашей дочерью ухаживает такой знаменитый человек».

- Комендант пригласил меня присесть за стол, я сел, а он присел напротив. Он закурил сигарету, а потом поднес мне портсигар: «Пожалуйста, Иван, закурите». «Благодарю вас, господин оберкомендант, я лучше своего русского самосада закурю». Он ухмыльнулся и, хмурясь, сказал мне: «Вот ведь, что значит «русский», свой - значит хороший. Графу капитану тоже русская девушка понравилась, значит - хорошая. Граф Ганс хочет жениться на ней и увезти в Германию. Сам он по родству отца латыш, а мать - немка, живет в Германии, имеет большое богатое имение. Вы, русс Иван, понимаете, что такое «граф»?» «Понимаю, - говорю я ему. - Граф - это богатый человек, который сам не работает, на него люди работают». «Вы правильно понимаете, что Граф большой человек». А я ему снова говорю: «У нас, у русских, не так - кто работает, тот большой человек, а кто не работает, того называют тунеядцем, лодырем». Комендант вскочил, как будто его пружиной толкнуло со стула: «Всему вашему русскому скоро будет капут! Превосходящее только наше будет, немецкое. Ты понял, русс Иван?!». «Не знаю, - говорю, - это еще вилами по воде писано». А он как психанет: «Что вилам! Что вилам?!». Подбежал к столу, быстро вынул из столешницы карту, развернул ее на столе и, водя карандашом по карте, приговаривал: «Во, видишь, ваш знаменитый Петербург окружен. Еще немного дней и в нем будут ликовать наши немцы, а потом прочешут на Вологду, а там и дальше, на Урал. Окружат Москву и тогда - все русс капут!». Я сдержался, молчал. Немного успокоившись, он снова присел за стол и беспрестанно стал стучать карандашом о стол. Нижняя губа его была оттопырена и, не спуская с меня глаз, он все время бубнил и, не мигая, все смотрел на меня. А потом, как крикнет: «Вот что, русс Иван, если б граф капитан Ганс вас не уважал, у меня с вами были бы короткие разговоры по-нашему, по-немецки, раз - и ваших нет! Мы с русским чикаться долго не любим,

понял!» «Понял, - говорю, - знаю ваши фашистские законы». Потом он вынул из полевой сумки какие-то бумаги и снова посмотрел на меня бело-синими, как лед, глазами. «Сейчас, Иван, я вам зачитаю приказ №105. Он подписан нашим главнокомандующим генералом-полковником». Я, правда, все, что он зачитал, вам не скажу, только то, что говорилось в приказе о долгосрочном отпуске графа Ганса. «Его мать, графиня, болеет, - комендант прочитал, улыбаясь, - вот видишь, русс Иван, ваша дочь может стать настоящей немецкой графиней». Комендант долго молчал, дымил сигаретой, а потом спросил: «Когда капитан Ганс и ваша дочь Луса пошли на реку, вы не заметили, была ли у графа полевая сумка?» «Нет, не заметил, обер-комендант, - ответил я ему». «У меня есть указание. Кто доставит эту полевую сумку в немецкий штаб, тому будет выдано пять тысяч марок. Хочу предупредить вас, Иван, о том, что если вы узнаете какие-либо известия о дочери и капитане Гансе, то должны немедленно сообщить в немецкую комендатуру. За невыполнение этих указаний вы, Иван, будете...», - и комендант указал пальцем на потолок, дескать, повешен. Несколько минут он молчал, потом посмотрел на меня в упор и сказал: «Идите». Когда я подошел и приоткрыл дверь, он сердито окрикнул меня: «Я буду ждать от вас вестей».

- Вот такие дела, друзья, - помолчав, грустновато добавил Алексей.

- Ушлая крыса, - улыбнувшись, сказал Митрофан и добавил, - хочет вас графским тестем сделать, да еще добавить пять тысяч марок. Одно вам скажу, Алексей Филиппович, что вы находитесь на опасном положении. Смотрите.

- Смотреть нечего, Митрофан Иванович. Сматывать удочки и мстить гадам!

- Я тоже так думаю, - ответил тихо Митрофан. Потом снова спросил, - Алексей Филиппович, мне все же интересно знать - неужели ваша Люся любила этого немецкого фашиста?

- Я одно могу сказать о ней, - начал Алексей. - Позавчера вечером зашел офицер, он вежливо поздоровался со мной и Люсей. А потом присел за стол, на боку у него висела желтая сумка. Он расстегнул ее, вынул тетрадь и стал что-то писать. Я вышел в другую комнату, а Люся осталась с ним. Прошло несколько минут прежде, чем послышался голос офицера. Дверь была прикрыта не плотно, и мне хорошо было слышно, как Люся подала ему кружку воды. Офицер выпил воду и сказал: «Луса, вы мне нравитесь, - уважительным, ласковым тоном говорил он. - Понимаете латышский язык? Я вам сейчас напишу письмо о любви на латышском языке, вы прочтете и дадите ответ. Хорошо?» «Пишите, - засмея-

лась дочь». Он стал писать, а Люся зашла в это время ко мне в комнату. Я тихонько спрашиваю ее: «Дочь моя, неужели ты выросла у меня для этого?» Я хотел еще сказать что-то, а она поняла меня, улыбнулась, ласково посмотрела на меня и шепнула мне на ухо: «Папа, ты обо мне плохого не думай. Я Родине верна». Вынула она из голенища сапожка маленький финский нож, махнула им в сторону комнаты, где сидел офицер и шепотом, гневно сказала: «Вот им, гадам!». Она быстро сунула финку в сапожок и хотела еще что-то сказать, но тут дверь открылась и вошел офицер. «Мне так скучно без вас». Он взял ее под руку, а потом вышли они оба на улицу, и я вышел следом за ними. Я наблюдал, как они пошли в сторону речки.

- Вот все, что я знал последнее о дочери.

- Саша правильно сказал, что ваша Люся - смелая девушка, - произнес Митрофан.

- Сашка любит правду и всегда угадает не в бровь, а в глаз! - метнул шутливо Саша. - Одно вам скажу, Алексей Филиппович, ваша дочь жива.

Алексей посмотрел на Сашу, и в его глазах засияла радость.

- Если правду говоришь, то дай пожму тебе руку!

А Саша деловито, с гордостью сказал:

- Пионеры не врут, Алексей Филиппович!

Саша хотел немного яснее рассказать обо всем и порадовать Алексея Филипповича, но вспомнив слова брата Михаила, сдержался. Он перевел разговор на другое.

- А когда будем хоронить бабушку Марфу?

- Завтра, рано утром похоронить надо, - тихо промолвил Митрофан. Сейчас ты, Алексей Филиппович, постарайся сделать гроб.

- А он уже сделан, - ответил Алексей.

- Когда? Зачем?

- Я сам сделал. Когда немцы пришли к нам в деревню, бабушка Марфа пришла ко мне и говорит: «Исполни мою просьбу, Алексей Филиппович, сделай для меня гроб». Ну я и сделал. Вроде как, предчувствовала она.

- А куда Юру денем? - спросил Саша.

- Ребенка пока отдадим Кузьме Матвеевичу. Я знаю, они с женой будут рады мальчику. У них своих отроду не было, но они очень любят детей. Ну, а сейчас, Алексей Филиппович, идите домой. А рано утром, на заре, приходите на похороны.

- А вы, Митрофан Иванович? - спросил Саша.

- А я буду охранять бабушку, да домовничать с Юрой, да котом. Идите. Пора. Мы и так долго задержались.

Алексей Филиппович и Саша ушли по своим делам. Утром рано, чуть показалась на востоке красная заря, Алексей Филиппович принес гроб, а спустя несколько минут пришел и Саша. Пришла и Людмила Васильевна, мать Саши, пришел и Кузьма Матвеевич со своей старушкой Матреной, да еще несколько человек, узнавших о смерти бабушки Марфы. Все знали, что фашисты убили бабушку безвинно. Они пришли проститься с ней и проводить в последний путь.

Когда хоронили, никто слез не лил, но у каждого было скорбно на душе и на сердце обидно. Каждый хотел бы сказать, как и бабушка Марфа в последнюю минуту сказала: «Фашисты! Варвары! Убийцы!». Похоронили ее секретно там, где была похоронена Тамара, на бугорке рядом с их усадьбой, около толстой березы, которую любили и бабушка Марфа, и молодая девушка Тамара.

Часть третья

Недалеко от деревни Сосновки через реку находился мост. Этот мост был на главной трассе, ведущей в город Новгород. По нему часто проходили немецкие танки и автомашины. Мост охранялся часовыми.

В один сентябрьский день к мосту подошел какой-то старичок небольшого роста. У старичка была белая, как лунь, узенькая бородка, он подошел и обратился к часовым с просьбой помочь ему достать из воды двух рыбин, которых поймал на удилище и не может сам вытянуть. Один из часовых понимал, видимо, по-русски и спросил: «Далеко?». Старичок кивнул в сторону по реке и, махнув рукою, проговорил: «Вон там». Часовые между собой поговорили, видно, хотел идти только один из них, а потом решили пойти оба. Пришли и как они были обрадованы, когда вытянули двух полутораметровых щук. «Это для вас, для вас», - кивая головою, с доброй улыбкой, говорил пискляво старичок. Часовые были довольны, поблагодарили его и поволокли щук в сторону моста.

Отойдя немного, в зарослях тальника они остановились и заспорили, видимо, о том, что один останется в зарослях, разведет костер и будет жарить рыбу, а другой пойдет охранять мост. Каждый из них хотел остаться. Несколько минут спорили, а потом решили бросить жребий. Один зажимал прутик между пальцами, другой, с глуповатой улыбкой, присвистнув, вытянул жребий. Вытянув – забормотал, стал плевать, потому что ему досталось идти на мост. Он пошел, а другой загоготал и

стал собирать сухие ветки для костра. В этот момент старичок хлестнул по воде удилицем, смотал быстро удочки и скрылся в кустах тальника.

На другой стороне берега между кустами, в траве, трое зорко наблюдали за всеми действиями часовых. Каждая минута, каждая секунда у них была на учете. Пока отсутствовали часовые, они подползли под самый мост, протянули бикфордов шнур, подложили взрывчатку и, никем не замеченные, отползли от моста. Эти трое были ни кто иной, как сосновские комсомольцы: Михаил Сухарев, Кирилл Забегалов и Люся Родичева. Они придумали эту уловку, когда дедушка Митрофан поймал на озере двух больших щук. Мудрость и труд их не пропали даром, ведь они выполнили поставленную задачу партизанского штаба. Не отстал от своих товарищей и юный пионер Саша Сухарев. Загримированный, в парике, под видом доброго старичка-рыболова он отвлек от моста часовых.

Запрятав в кустах парик, он смыл с лица грим и через час с букетом поздних цветов был у своего дома. Когда зашел в избу, мать была на кухне, что-то готовила. Увидев Сашу, она спросила:

- Где-же ты, сыночек, пропадал?

Сейчас Людмила Васильевна радовалась, но минуту назад беспокоилась, ведь сына весь день не было дома.

- Поздние цветочки я на поляне собирал, мама!

- Ты же не девушка у меня растешь, а мальчик, - трогая рукою по плечу Сашу, как бы шутливо, ласково проговорила мать. А потом добавила:

- Ведь ты, сынок, у меня не маленький, конечно.

- Конечно, мама, я не маленький. Но разве юноши и взрослые не любят цветы? - Саша улыбнулся и сразу добавил, - это мама я для Тамары, на могилку ей отнесу, она очень любила цветы.

Людмила Васильевна посмотрела на Сашу и хотела что-то еще сказать, но в это мгновение раздался взрыв, дрогнули стекла.

- Бомбят что-ли? - промолвила мать.

- Нет, мама, это не бомбят. Это наши дают!

- Всё-то ты у меня, Саша, знаешь.

- А как же иначе! Все надо знать, мама.

Людмила Васильевна кивнула головою и тихо ответила:

- Осторожно.

Главная переправа через реку по дороге на Новгород была взорвана. Часовой, который охранял мост, был убит. Второй часовой, который жарил рыбу, остался жив. Он стал свидетелем всего. На следствии он рассказал все, как было. Следователь спросил: «Сможете ли узнать того ста-

ричка?». «О, господин следователь, днем и ночью узнаю я его». «Вот это хорошо», - после строгого допроса, добродушно сказал следователь.

Командование дало указание вызвать всех жителей в комендатуру на осмотр, а также обыскать всех жителей Сосновки и других находившихся поблизости деревень. Фашисты сколько ни искали, сколько ни узнавали, а старичка с белой бородкой не нашли.

В эти же дни был вызван в комендатуру староста Трифон Серебров. Комендант допрашивал и всячески пытал его, а Серебров и рад бы что сказать, но сам ничего не знал. После некоторого томительного молчания он испуганно проговорил:

- Истинный Господь, господин начальник, я старичка во всей околице не знаю. Если что-либо узнаю, вам сразу сообщу.

Комендант нервничал, но видя искреннюю преданность Трифона, он успокоился. Прошел несколько раз из стороны в сторону, потом подошел к большому железному сундуку, открыл его тяжелую крышку, вынул из него несколько пачек. Бросив их на стол, проговорил:

- Возьмите. Мы вам помогаем, а вы должны нам помогать.

- Обязательно, господин начальник, буду вам помогать, - Серебров обрадованно смотрел на пачки с деньгами и часто мигал. Он несколько раз низко поклонился коменданту и жалобным голосом продолжил:

- Дай Бог нам найти этих злодеев, и тогда уж вы отправили бы их к черту на кулички.

Комендант присел за стол, закурил сигарету и, пуская дым кольцом, глухо сказал:

- Мы их много отправляем, но видимо мало им, русские черти не угомонятся никак. Что ни день, то новое происшествие в ущерб нам, немцам.

Он, постукивая по столу карандашом, помолчал и снова проговорил:

- Придется просить от командования помощь, хотя бы отряда два. Прочешем все ближние леса и тогда все узнаем. - Комендант бросил острый взгляд на Сереброва и, махнув рукою, продолжил:

- Пачки возьмите и идите пока домой.

Серебров положил деньги в карманы, еще раз поклонился и вышел на улицу. Начинало темнеть. Кое-где в домах тускло горели огоньки. Придя домой, Серебров думал о том, как с ним сначала злобно и сурово говорил комендант, а потом стал таким добряком. «Что ни говори, а немцы - хороший народ», - бросая деньги на стол, вымолвил он. Трифон смотрел на пачки, думал, и говорил сам с собою: «Много денег. Значит надо обязательно отличиться и выслужиться перед ними, даром они не должны

мне давать».

Прошло несколько дней. В одну темную ночь в дом Саши постучали. Мать соскочила с постели и подбежала к порогу: «Кто там?». «Немцы, мама, не открывай», - шепотом остановил ее сын Михаил, который в эту ночь по особому заданию пробрался в родную деревню и сейчас находился в своем доме. Михаил, торопливо накинув тужурку, в одной руке держал автомат, а в другой гранату. Людмила Васильевна отошла от дверей, что-то тихонько шепнула сыну, посмотрела вверх и указала рукою на потолок, где незаметно открывалась доска. Михаил показал на стол, где лежала книга, и быстро что-то шепнул матери, положительно махнул рукою вниз. «Я поняла, Миша», - шептала мать. Прошло несколько секунд, и Михаил был на чердаке.

В дверь сильно стучали.

- Открой, сволочь! - ругался за дверью пьяный голос.

Людмила Васильевна узнала по голосу Сереброва. «Предатель», - мелькало в её голове.

- Матка, открывай, а то стрелять будем, - кричали еще несколько голов.

Мать откинула дверной крючок, дверь распахнулась и четверо фашистов ворвались в избу. Один из них был Серебров.

- Почему не открывали? - на ломаном русском спрашивал один из них.

- Прятали! - кричал хриплым голосом Серебров.

- Что мне прятать, кого прятать? - как бы спокойно, отвечала Людмила Васильевна.

- Ну-ну, брось! Нам передали, нам все известно, - сказал Серебров.

Один долговязый фриц с длинной, как у журавля, шеей стоял с автоматом у дверей и дребезжаще, по козлиному, прокричал: «Матка, хальт!». Другой был небольшого роста, но толстый, как бочка, глаза узенькие, шея толстая и короткая, нос пятакон, знаков отличия на нем не было, но тужурка его была увешена черными крестами. Закурив сигарету, он присел за стол, взял в руки книгу и стал ее перелистывать. Перелистывая страницы, он добродушно улыбался. «Ух, хорошая книга, немецкая книга», - пробормотал он. Серебров и другой фашист делали обыск.

- Где сын? - схватив Людмилу Васильевну за руки, кричал Серебров.

- Я здесь, - выступил из-за спины матери, отрывисто выпалил Саша.

- Брысь, подстрелок! - отпустив руку матери, он поднял Сашу и хотел его бросить.

- Саша! - громко крикнула мать и ловко, на лету, подхватила маль-

чишку и крепко прижала его к себе. Людмила Васильевна с гневом и ненавистью смотрела прямо врагу в глаза.

В это мгновение, сидевший за столом толстый, видимо, он был старший, окрикнул их. Серебров что-то забормотал, он, как пес, в недоумении смотрел на толстого, который читал письмо, изъятые из книги. Дочитав письмо, он держал его в руке и, обращаясь к Людмиле Васильевне, улыбаясь, ласково проговорил:

- Ваш сын хочет быть немецким командиром - это очень хорошо! Наш фюрер любит таких русских. Немецкий закон и немецкий народ лучший в мире, госпожа! Пустите! - он сердито посмотрел на Сереброва.

- Враньё там, - тихо промолвил Серебров.

Толстый развернул письмо, повертел его в руках и произнес, указывая пальцем в письмо:

- Здесь говорится «Здравствуй, мама. Пишу вам письмо из Сибири, из города Омска. Мама не обижайся, что я от вас уехал и на то, что в будущем я буду немецким офицером», - толстый еще раз посмотрел на конверт и точно удостоверился, что на почтовом штампе был город «Омск».

Людмила Васильевна стояла и вспоминала в эту минуту слова Миши: «Мама, это письмо, эта книжка - для отвода глаз. Этих чертей надо темнить, не так уж страшен черт, как его малюют».

Толстый вышел из-за стола, положил письмо в книжку, а книжку в левую сумку.

- Да, да, господин, вы правду говорите, - сказала Людмила Васильевна и, указав на Трифона, продолжила. - Не хороший он человек, обманщик. Он зол на меня за что-то, вот и придумывает всякую чепуху.

Серебров опустил голову. Он стоял и прислушивался, а потом, исподлобья посмотрев на Людмилу Васильевну, тихим голосом промолвил:

- Лей, лей на меня.

- Ты сам на себя льешь! Ты хотел, чтобы я самогон на тебя гнала, да ночи с тобой проводила! Нет уж, не выйдет!

Толстый вежливо поклонился Людмиле Васильевне.

- До свидания, - ответила Людмила Васильевна.

Все стояли у порога. Как только немцы вышли из дома, Людмила Васильевна подошла к двери и накинула дверной крючок. Она сурово смотрела в пустоту, глаза ее блестели как огоньки.

- Мама, мама, что с тобой? - спросил Саша. Никогда он еще не видел свою мать такой.

Пройдя несколько раз по комнате, с волнением она сказала:

- Видишь, какая паскудная шкура есть?

- Ничего, мама, не расстраивайся. Такой шкурник-предатель долго не будет жить. Он навечно с позором будет проклят советским народом. Сейчас, мама, надо терпеть и быть осторожными. Мы должны делать все, что только можем, для подрыва врага. Но открыто действовать нельзя, вот ведь, попробуй тронь этих фрицев - рад не будешь.

Саша стоял возле матери и спокойно, по-деловому говорил:

- Фрицев надо на хитрость брать. Так, чтобы комар носа не подточил, - добавил он.

- Какой ты у меня рассудительный, сынок, - немного успокоившись, ласково глядя на мальчика, сказала мать.

Она присела на диван, сел и Саша. Мать гладила русые волосы сына и материнской любовью смотрела на Сашу. Они долго сидели, говорили между собой, объяснялись, советовались. Между ними были и разногласия. Мать говорила, что надо так делать, а Саша отрицал, мол, нет, мама, поступить надо вот так.

- Война ведь без жертв не бывает, а бояться нечего, - уговаривал он.

Людмила Васильевна молчала. Она пригнула Сашину голову и поцеловала его волосы. Помолчала и промолвила:

- А как же Миша?

Саша ласково посмотрел на мать.

- Мама, о Михаиле не беспокойся. Михаил знает свое дело, он лицом в грязь не ударит. А ты отдохни, поспи.

Мать встала с дивана, подошла к окну, где сквозь стекло было видно, как ярко горела утренняя звезда на востоке. Подошел к окну и Саша. Они вдумчиво смотрели на бело-розовую мерцающую звезду.

- До чего же она красива, правда, мама?

- Да, красива, - ответила мама и, немного помолчав, добавила, - во вселенной, Саша, очень много красивого и тайного, но ведь все это пока загадка для человека. Но надо сказать, Саша, что придет время, и человек разгадает все тайны вселенной и увидит её так близко, как мы видим друг друга.

- Какое счастье, какая слава будет тем людям, которые впервые достигнут этого, правда, мама!

- При коммунизме, Саша, наука достигнет высших пределов в космическом пространстве, а славы достигнут те люди, которые будут воспитаны коммунистической партией, партией Ленина.

- Мама, ведь папа тоже был коммунистом. Он пошел воевать за нас, за народ, за партию.

- Это, сынок, великая слава, что наш отец погиб за народ, за партию.

- Мама, за папу мы должны отомстить врагу! Жизнь за жизнь, смерть за смерть... - Саша хотел что-то еще сказать, но видя, что мать начинает дремать, он промолчал.

Он стоял посреди комнаты и думал: «Мстить! Мстить врагу за отца, за Тамару, за бабушку Марфу!». Несколько минут помедлив, Саша снова присел на диван. Он закрыл глаза, а когда приоткрыл их, то в окно уже падали яркие лучи солнца.

«Мотюха ведь мой племянник, он не должен нас обмануть, - так думал Серебров, - я их выведу на чистую воду! Доживу до утра, а утром пойду в комендатуру и все расскажу, и пусть они потом попробуют мне сказать, что я обманщик».

Но, к счастью, предателю не случилось дожить до утра. Он в ту же ночь был уничтожен. Немецкие патрули нашли его убитым около своего дома. Никто его не хотел подбирать. Только спустя несколько дней немцы заставили убрать его труп. Люди выкопали на поляне яму и с презрением спустили в нее тело и завалили землей. Никто не сказал о Сереброве хорошего слова, никто не вспомнил его, как человека. Каждый знал, что это был враг народа, предатель...

Мотюха Окоемкин был из деревни Мыслино, что находилась в тридцати километрах от Сосновки. Он и дал сведения своему дяде о Михаиле Сухарева. Мотюха служил в советской армии, но его часть попала в окружение. Положение было трудное, но свои места он знал хорошо. По лесам, по болотам ему удалось пробраться ближе к своей деревне, да вот только деревня, в которой он жил, была занята немцами. Тогда он и стал обитать по лесам. Питаться только ягодами, да грибами ему стало не по нутру. Он знал, что в Щучьем озере водилось много рыбы, и решил податься к нему. Знал он и то, что недалеко от озера находилась деревня Сосновка, в которой жил его дядя Трифон. Пробравшись на озеро, он наткнулся на избушку, в которой жил рыбак Митрофан. Время было к вечеру, начинало темнеть, в избушке чуть-чуть горел огонек. Он тихо подошел к стенке, стал прислушиваться.

- Молодец, Михаил. Счастливо тебе добраться до своей деревни, побывать дома, повидать мать и брата. А этого черта, Сереброва, давно бы надо удалить с белого света.

Уловив эти слова, Окоемкин по голосу узнал Митрофана. До войны он не раз встречался с ним. «Ах вы, дьяволы, хотите убрать с белого света моего дядю Трифона!», - он снова прислушался.

- Значит, через два дня идешь, - послышался снова голос.

- Да, Митрофан Иванович, через два, в субботу иду.

- Ну, счастливо, Михаил Николаевич.

Окоемкину стало ясно, что Михаил Николаевич из деревни Сосновка и у него есть мать и брат. Он тихо отступил от избышки и быстро скрылся в густых зарослях сосняка. Приостановившись, Окоемкин размышлял: «Значит, здесь где-то есть гнездо партизан, значит моему дяде Трифону осталось два дня жизни. Сволочи!». В нем разгоралась злость, но это чувство в тоже мгновение сменилось радостью. «Это же мне просто Бог помогает! Такой случай представился, я дядю должен спасти».

Ночь была не очень темная и Мотюха Окоемкин удачно добрался до дома своего дяди. Он передал дяде сведения, которыми располагал. Вот почему Трифон Серебров схватил Людмилу Васильевну и спрашивал, где сын. Но, как уже известно, он жестоко просчитался. Просчитался и его племянник...

В воскресенье утром, вздремнувши немного на диване, Саша поднялся, умылся холодной водой и вышел на улицу. Солнце блестело, было тихо. «Хороший денек должен быть, - думал Саша, - мне надо сегодня идти на озеро. Обязательно пойду». Изба Сухаревых стояла немного в стороне от деревни. Между ними была небольшая лощина, поросшая молодым тальником. Не беспокоя мать, Саша взял пару удочек, отошел от дома, быстро прочесал лощину и ни кем не замеченный вышел на реку. Спустившись к берегу, он направился к Петрову перебору, перешел его, снова поднялся на берег, а потом скрылся в хвойном сосновом лесу. Пахло смолой, в лесу была тишина, только где-то далеко были слышны глухие взрывы. Саша шел по лесной тропе, все спешил. Часа через два он был на берегу озера. Пройдя метров двести по берегу, начинался крутой поворот, за которым находился Щучий мыс. Здесь-то, на мысу, и стояла избышка рыбака Митрофана. До войны Саша не раз здесь бывал. Вот и избышка. Он открыл дверь и зашел в нее, в избышке никого не было. Окинув комнату взглядом и обратив внимание на стену, где в углу висела шинель, он подошел и тщательно осмотрел ее. Шинель была потрепанная и грязная. Во внутреннем кармане Саша нащупал небольшой сверток бумаги. Он осторожно развернул его. Там была пачка денег, какая-то справка, удостоверение с печатью и еще Красноармейская книжка. Саша бегло просмотрел ее «Окоемкин Матвей Сидорович», «дезертир» - мелькнуло в голове Саши. Быстро завернув все обратно, он хотел положить в свой карман, но мысли подтолкнули его положить сверток обратно, в карман шинели. Мальчик поспешно вышел из избышки. Солнце было высоко, грело как летом. «Палит», - вымолвил про себя Саша. Он стоял в смятении, думал, сомневался, из головы не выходила

эта потрепанная шинель. «Значит, тут был человек по фамилии Окоемкин», - размышлял он и, еще немного постояв, пошел по лесной тропинке. Немного отойдя от избушки на крутом повороте Саше послышался шорох. Он остановился, прислушался. В чаще густого ельника был слышен треск веток.

- Кто это? - произнес Саша.

- А ты кто такой? - отозвался грубый голос.

- А зачем тебе? - снова отозвался паренек.

- Я вот покажу «зачем», - сердитым басом отозвался незнакомый голос.

Через несколько секунд перед Сашей стоял человек, на изготовке он держал винтовку. Передернув затвор на боевой взвод и закладывая палец на спусковой крючок, чужак громко крикнул:

- Стой, ни с места! Говори, кто ты и зачем сюда пришел?

Саша метнул глазами, внимательно всматриваясь в человека. Лицо его было обросшее, армейская форма - гимнастерка и брюки - были грязные, знаков отличия никаких не было, на голове была какая-то серая повязка, на ногах кирзовые сапоги. Смотря прямо в глаза Окоемкину, Саша неторопливо ответил:

- Я пришел сюда рыбу ловить, а сам я здешний, из деревни Сосновка.

- Врешь! Кажется, в Сосновке таких нету. Говори правду, а то! - он передернул затвор.

- Честное..., - Саша хотел сказать «честное пионерское», но остановился, - честное слово, дядя, я с Сосновки.

- Чей ты? Как фамилия твоя? - с горяча, брызгая слюной, кричал Окоемкин.

- Моя фамилия Сухарев, а зовут меня Сашкой.

Окоемкин встрепенулся, застопорился, мутными глазами уставился на Сашу.

- Сашка Сухарев, какой ты большой вырос, не узнал я тебя просто. Вылитый отец.

- Дяденька, а вы разве моего папку знали?

- Знал, - подходя ближе к мальчику, с лукавой усмешкой пробурчал Окоемкин. - Твой отец был председателем колхоза, он иногда к нам приезжал, приезжал и ты с ним, это я помню.

Саша смотрел на Окоемкина, молчал, щурился.

- Отец был председателем колхоза, это верно. Что ездил иногда с ним - это тоже верно.

Саша хотел спросить «Окоемкин - это ты?», но сдержался. Он хотел

спросить «Зачем ты здесь обитаешь?» и снова сдержался, ведь одно неосторожное слово может быть на руку врагу.

Окоемкин с любопытством смотрел на Сашу.

- Так-так, Сухарев, говоришь «рыбачить пришел». На удочки-то много не наловишь, - добавил он.

- Днем, конечно, плохо клюет, а вот вечером, на закате, да утром, на заре - только успевай удочку закидывать, - ответил Саша.

Окоемкин, посмотрев в упор на Сашу, спросил:

- Ну, а отец-то, где у тебя сейчас?

- Папа погиб на фронте. Мама получила похоронную - «погиб смертью храбрых». Печально, - тихо вымолвил Саша.

- Так значит убит, говоришь, отец, - после короткой паузы проговорил Окоемкин и снова спросил, - ну, а твой брат, Михаил, где у вас?

- Михаил, вероятно, находится в Сибири, в городе Омске. Недавно получили от него письмо.

Окоемкин покосился на Сашу и тихо буркнул:

- А ты не врешь, Сухарев?

Саша кашлянул и, не придавая виду, будто бы недослышал, он посмотрел на солнце и крепко чихнул. Саша не знал, что Окоемкин видел и подслушал все то, что нам известно. А Окоемкин подумал, что он ничего и не знает о Михаиле. Мотюха опять спросил:

- Да, говоришь, Михаил в Сибири живет.

- Там, видимо, спокойно, - ответил Саша и сказал, - ну, что же, дядя, пошли на озеро. Рыбы ведь мне надо.

- Идем, Сухарев, я тебя провожу до озера. Ты будешь удить, а я хоть искупаюсь, обмоюсь, а то черт чертом стал.

Несколько минут шли молча, потом Окоемкин промолвил:

- Хоть скорее бы уже один конец.

Саша пристально, хмуро посмотрел на Окоемкина и не сдержался:

- Дяденька, для победы надо бороться всем, кому дорога своя родная земля. Каждый русский человек, малый и старый, должен бороться с Гитлеровскими захватчиками. Ведь вы, дядя, наверное, сами знаете слова русского полководца Александра Невского «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет!».

- За это, дружок, виселица, - после некоторого молчания, строго сказал Окоемкин.

Саша как бы немного поколебался, затем смело сказал:

- За правду умереть не страшно.

- Оказывается, ты не боишься. Мужественный, смелый соколик.

- Конечно не боюсь, - ответил Саша.

Снова пошли молча.

- А вот и берег.

Остановились.

- Дяденька, - спросил Саша, - а вы не знаете, где дедушка Митрофан?

- А тебе зачем? - нехотя ответил Окоемкин.

- Как зачем? Он же старый рыбак, он помог бы мне с рыбалкой.

- К вечеру он придет, - как бы ласково, ответил Окоемкин и добавил, - он где-то много ягод брусники отыскал, взял корзину и ушел собирать.

Окоемкин врал Саше. По его указанию Митрофан ушел не ягоды собирать, а разыскивать, где находятся партизаны. Дело шло, комендант дал Сереброву пачку денег и ждал от него помощи, а Трифон, в свою очередь, тайно поручил разыскать партизан своему племяннику Окоемкину. Он дал ему местное удостоверение, дал денег и пообещал в дальнейшем, если он разыщет партизан, то найдет ему вакантную должность, как у себя. А Окоемкин поплутал несколько дней по лесу, да напасть на гнездо партизан не смог. Матвей объяснился с Митрофаном и попросил ему помочь. Митрофан выслушал его молча, а когда тот подал пачку денег, ахнул, как бы изумился: «Да за такую сумму, пожалуй, можно будет и постараться». Взяв корзину, он ушел на поиски.

- Конечно, дедушка Митрофан все места, как свои пять пальцев знает, местный старожил, - проговорил Саша.

Окоемкин улыбнулся, махнул рукою в сторону островка, что был близко от берега. Там один большой камень выделялся в форме памятника. Раньше боговерные люди этот камень называли «святым». Они иногда приходили сюда в летнее время, раздевались и по воде подходили к нему. Крестились, кланялись, целовали его, об этом Саша знал, ему рассказывал про этот камень Митрофан.

- Дядя, этот камень на пяточке называется Святым.

- Я знаю, - ответил Окоемкин, - к нему-то я и хочу пробраться.

Мотюха подошел к небольшой сосне, повесил на сук винтовку, быстро разделся и, пластом упав в воду, поплыл. Немного отплыв от берега, он повернулся и увидел, что Саша стоял на берегу и держал в руках его винтовку. Окоемкин крикнул:

- Повесь сейчас же винтовку, паскудник!

Но Саша и слышать не хотел его. Он взвел затвор на боевой взвод и навел ствол прямо на Окоемкина, заложив палец на спусковой крючок, Саша громко, строго крикнул:

- Приказываю вам, Окоемкин, продолжать плыть на Святой камень! За неподчинение, стреляю без предупреждения!

Окоемкин крутился на воде, как пойманная в сети рыба. Он намеривался плыть обратно, но когда просвистела над головою пуля, покорно поплыл вперед.

- Ааа, струсил гад.

Когда Окоемкин доплыл до островка, он подошел к камню, поклонился ему, перекрестился и поцеловал его. «Теперь-то ты меня, паскудник, не убьешь».

- Что, трус, смерти боишься? С фронта, видимо, удрал, а теперь хочешь спастись за Святым камнем!

- Сухарев, давай-ка лучше, повесь на сук винтовку, а сам беги домой, пока не поздно!

- Что значит «пока не поздно»? - крикнул Саша.

- А то, что вечером придут сюда немцы и они из тебя все жилы вытянут, понял?

- А мы не из робких и ты меня не запугаешь, на пушку ты меня не возьмешь! - ответил Саша.

Немного помолчав, Саша крикнул:

- Прекратить разговоры!

Окоемкин присел возле камня, молчал и думал: «Привязался же ко мне, гадость такая. Ну, что он от меня хочет?». Он горячился, нервничал, стуча кулаком по голове. «Ведь разве я мог подумать, что такой сопляк может обращаться с винтовкой. А как крикнет-то, как будто командир какой. Это ж просто дьяволёнок».

Саша стоял и наблюдал за Окоемкиным, в голову лезли разные мысли. «Неужели он связан с немцами, неужели он убил дедушку Митрофана? Уж, если это так, то я бы с ними не стал сейчас долго чикаться. Сорную траву - из поля вон, ведь так говорил иногда папа», - Саша подумал и сразу окрикнул Матвея.

- Окоемкин, ты скажи-ка мне, какие у тебя там в кармане деньги и документы? Только не ври, говори правду!

Окоемкин ахнул и крикнул:

- Слухай, Сухарев, я все деньги, все, что есть у меня, отдам тебе, только ты отпусти меня с этого проклятого островка.

- Виш, гад, за деньги меня купить... - огорчившись, произнес Саша. - Ты, Окоемкин, мне ерунду не пори, а скажи правду. Правда-то светлее солнца и дороже денег!

Только Саша успел вымолвить это, как вдруг увидел, что недалеко от

него, из леса вышли пять человек. На берегу озера они остановились и, заметив Сашу, все пятеро быстро пошли к нему. Саша всмотрелся и всех узнал. Первыми шли Михаил и дед Митрофан, потом Мишин, Забегалов Кирилл, а позади Павел Бурыгин. Увидев их, Саша обрадовался, он хотел крикнуть им, но они и сами уже его окружали. Кто обнимал, кто целовал.

- Да обождите, товарищи. Я же часовой, - выбиваясь из объятий, говорил торопливо Саша.

- Кого ты тут охраняешь, озеро или Святой камень? - метнул шутливо Кирилл.

- Охраняю человека у камня.

Все сразу обратили внимание в сторону камня, где на корточках сидел голый человек. Саша указал на одежду, лежавшую у сосны, а потом рассказал, как пришел сюда, как встретился с Окоемкиным, как ему удалось его обезвредить. Все с вниманием слушали паренька, а когда он закончил, Мишин произнес:

- Дак, вот, товарищи, побеждать врага нужно не столько силой, как умением, смекалкой и находчивостью. Мы вот сейчас с вами пришли для того, чтобы поймать и уничтожить этого человека, который очень опасен для нас, партизан. И вот, как видите, Саша, наш юный Ленинец, сумел один обезоружить и задержать этого врага.

- Он, Василий Павлович, пытался было откупиться деньгами, - улыбувшись, сказал Саша.

- Вот как! Он Митрофана Ивановича купил, так хотел и тебя купить.

- Братцы, друзья! - размахивая руками, закричал плачевно Окоемкин.

- Ничего себе, нашелся нам «братец», - заговорили партизаны.

- Ничего, ничего, товарищи. Не волнуйтесь, сейчас обсудим, решим, что делать, - посмотрев спокойно на всех, промолвил Мишин. Он посмотрел в сторону камня и строго окрикнул:

- А ну, Окоемкин, давай, плыви сюда к нам. Святой камень тебя не спасет.

- Это не святой, а чертов..., - спускаясь в воду, пробормотал Окоемкин.

- Хотел к ангелам в рай попасть, а попал к черту, - метнул Кирилл.

Михаил, стоя рядом с Сашей, расспрашивал его о разном.

- Значит, письмоцо из Сибири помогло, - после нескольких ответов брата, проговорил Михаил. Пожав Сашину руку, он снова добавил, - за то, что он хотел тебя к стенке..., дак, теперь пускай черти его на том свете к стенке ставят.

Саша кивнул головой.

- Товарищи, тихо. Прошу приготовиться, - сказал Мишин и указал на плывущего Окоемкина, - будете сопровождать его, я надеюсь на вас.

- Решайте сами, на ваше усмотрение, Василий Павлович, - сухо сказал Михаил.

- Да чего мы чикаться с ними будем, он нам может столько горя принести, рад не будешь, - добавил Бурыгин.

- Тише.

Окоемкин был уже у самого берега. Как только он вышел из воды, отряхнулся, посмотрел на всех и заговорил:

- Да простите вы меня, дурака!

- Видишь, дурачком-чудиком притворяется, - нахмурившись, сказал Митрофан и, бросив пачку денег под ноги Окоемкину, снова сказал, - дешево, гад, захотел старика купить.

- Сам «гад». Тебе пять дней жить на свете осталось, а ты продаешь, - надевая штаны, сердито бубнил Окоемкин.

- Прекратить разговоры!

- Да тише вы, тише. Вы еще молокососы на меня покрикивать, - пробурчал басом Окоемкин.

Он окинул пронзительным взглядом Митрофана и мигом выхватил из кармана брюк финский нож. Он хотел нанести удар, но не успел - несколько пуль враз отняли его злодейскую руку. Она повисла, как плеть, а через пару секунд и он упал на землю.

Все подошли к Окоемкину. Он лежал недвижим.

- Что отжил, собачий пес, - дотрагиваясь сапогами до трупа, процедил Кирилл.

Мишин посмотрел на всех. Положительно махнув головой, проговорил:

- Молодцы ребята, не промазали. Ведь одна доля секунды и Митрофан Иванович мог бы погибнуть от этой собаки.

Митрофан Иванович наклонился, поднял нож, слегка улыбнулся:

- Это же мой, Люсей подаренный. Она мне говорила: «Вам, Митрофан Иванович, на память от меня. Счастливый он».

- Да-да, Митрофан Иванович, правильно, - взяв из рук Митрофана финку, сказал Михаил. Он перекинул нож с руки на руку и добавил, - это ж мое изделие, товарищи. Я его подарил брату.

- А я подарил Люсе, - улыбнувшись, сказал Саша.

- Вот как? Тогда правильно Люся сказала, - проговорил Мишин и снова добавил, - ну что ж, ребята, надо предать его земле. Хотя не до-

стоин он нашей русской земли, но все же надо.

По указанию Мишина Бурьгин, Михаил и Кирилл остались похоронить тело. А Митрофан, Мишин и Саша пошли по направлению к избушке. Митрофан шел первым, Саша вторым, Мишин шел позади. Шли не спеша, вдруг, Саша остановился. Остановились и Митрофан с Мишиным. Саша, прищуриваясь, посмотрел на Мишина и уважительно сказал:

- Вы меня извините, Василий Павлович, я вам позабыл доложить.

- Что, Саша? Говори, пожалуйста.

- Этот Окоемкин, когда я его охранял, говорил мне: «Текай быстрее отсюда, а то придут сюда скоро немцы и дадут тебе перцу». Толи это правда, Василий Павлович, толи он, гад, на пушку меня хотел взять.

- Наверное, на пушку, - кивнув головой, ответил тихо Мишин.

- Но ведь я, Василий Павлович, не из трусливых, - гордо ответил Саша.

- Знаю, Саша, все знаю. Молодец ты! - Мишин обнял Сашу и крепко, несколько раз, поцеловал в лицо.

- А может это и правда, Василий Павлович, - сказал Митрофан.

- Может, - ответил Мишин. Он хотел еще что-то сказать, но Митрофан дал знак рукою и прошептал «Г-с-с-с».

Все трое насторожились, прислушались. А через минуту они увидели впереди по тропе им навстречу шла сгорбившаяся старуха с палкой. Все хорошо узнали ее, это была их деревенская боговерная Груня. Они подумали, что старушка идет поклониться Святому камню.

- Здравствуйте, бабушка, - поравнявшись с нею, враз произнесли все трое.

- Здравствуйте, соколики ясные, - устало, но радостно ответила она. - А я растерялась, как завидела вас. Думала супостаты-немцы, а теперь вижу вас, мои голуби белые, и мое сердце радуется.

Она пристально смотрела на всех, и на глаза ее навернулись слезы, видимо, так рада была встрече с близкими людьми.

- Далеко ли вас, бабушка, Бог направил? – тихим голосом спросил Мишин.

- Не Бог, а супостаты меня направили, Василий Павлович, - утирая платочком глаза, ответила Груня.

- Так-так, супостаты - это значит немцы, фашисты вас сюда направили. Прошу вас, бабушка, рассказать нам все по порядку, только правду.

Начала старушка Груня...

- Сегодня, чуть свет, меня вызвали в комендатуру. Начальник спросил: «Ну, знаете, зачем мы вас позвали, бабушка?». «Нет, - говорю, - не

знаю». Он посмотрел сердито на меня, стукнул кулаком по столу и крикнул: «Мы просим вас выполнить нашу просьбу. Выполните - мы вас наградим, не выполните - голова с вас покатится долой. Поняла?», - окрикнул он. «Слышать-то, я слышу, - говорю я ему, - но я ничего не знаю». «Мы тебя не допрашиваем, а просим показать дорогу. Довести трех наших солдат до избушки, где живет старик-рыболов, которого зовут Митрофан». «Да, бабушка ты ретивый, ведь Митрофан живет вот тут, в деревне, - говорю я ему». «Да ты, старая, разве ничего не знаешь о нем? Что его нет сейчас дома, что он удрал в лес и живет в избушке, где-то около озера, ловит рыбу. Поняла?» «Поняла, - говорю». Он замолчал, закурил сигару, а потом, как-то лукаво улыбнулся и проговорил: «Немец тоже хочет кушать рыбу. Поняла?». «Да понять-то я поняла, но ведь на озеро вы могли бы и без меня пойти». «Вот именно, что мы не можем. У вас тут такая местность, озер столько, наверно, что на небе звезд». Только он вымолвил это, а потом вдруг, как вскочит: «Ой-ой-ой!» и давай с себя штаны стаскивать. Оказалось - он курил, а искра ему на штаны упала, да и кольнула, видимо, его в самое грешное место! Ой, соколики мои, и смех, и грех, - бабушка засмеялась, засмеялись и все остальные.

- Ты брось, бабушка, шутки-то, - сказал Саша.

- Истинный Господь, с места мне сейчас не сойти, - перекрестившись, сказала Груня. - Я вам, соколики, не вру.

- Мы верим, верим вам, бабушка. Но нам важно знать, что произошло дальше. Привели ли вы немцев? - спросил Мишин.

- Да, да, привела, Василий Павлович. Привела троих на Утинное озеро. Семь верст отсюда, там есть избушка, вот туда я их и привела. Привела, а сама, что было сил, пошла сюда сообщить Митрофану, что супостаты, видимо, хотят снова его забрать, да погубить.

Старушка зарыдала, запричитала:

- Да, милый ты мой голубчик, - обнимая Митрофана, в слезах говорила она.

- Ничего, ничего, успокойся.

- Митрофана Ивановича мы в обиду не дадим, - ласково проговорил Мишин. А когда старушка немного успокоилась, он снова спросил:

- Значит, вы знали, где находится Митрофан, но вы отвели немцев в другое место?

- Да-да, Василий Павлович. Я знала, - взволнованно начала старушка.

- Да разве, пока я жива на белом свете, сделаю иначе? Никогда! Пускай они, супостаты окаянные, и не думают об этом. Я умру, но своих никогда не продам!

Мишин положительно покачал головою, ласково взглянул на старушку, а потом обнял ее и пожал ей руку. Он вспомнил далекое прошлое: Сибирь, где он родился, свою мать, Александру Степановну, которую палачи Колчака расстреляли за то, что она знала, но не сказала, где находятся Красные партизаны.

- Спасибо, вам, - тихо промолвил Мишин. Он отвернулся, кашлянул, вынул из кармана носовой платок и обтер лицо.

Тут подошли Кирилл, Михаил и Бурыгин.

- Товарищ командир, ваше указание выполнено, - доложил Сухарев.

- Молодцы, быстро управились.

Мишин посмотрел пристальным взглядом на подошедших и, мотнув головою на старушку Груню, сказал:

- Товарищи, нам предстоит одно задание...

- Ой, что же это мы, вороны, - указывая на старушку, проговорил Кирилл, и все трое быстро подошли к ней поздороваться.

- Здравствуйте, соколики мои ясные, - старушка радостно улыбнулась.

В ее глазах сияла необыкновенная старческая радость, она то и дело откашливалась, да вытирала платочком глаза. Все заметили, что старушка устала, утомилась. Мишин промолвил:

- Устали вы, бабушка? Жалеем мы вас.

- Чего меня, старую, жалеть, - она помолчала немного, посмотрела на всех и вздохнула печально, - девку надо бы пожалеть, мои соколики.

- Какую девку? - спросил Мишин.

- Девку Галю. Она осталась в избушке у фашистов.

Услышав эти слова от старушки, все смутились.

- Как же это так получилось? - взволновано произнес Мишин. - Ведь Галя арестована и сидит в подвале. Саша извещал нас об этом.

- Я расскажу вам.

- Расскажите, пожалуйста, просим вас, бабушка.

- Два дня назад Галя была арестована фашистами, ее посадили в подвал. Это она мне рассказала, когда мы шли с нею вместе по лесной тропинке. Мы с ней шли впереди, а немцы шли позади нас. Один из них был такой противный, аж мерзко про него говорить. Раз они остановились. Остановились и мы. Дак, вот - этот противный начал приставать к Гале. «Ты, - говорит, - хороша для меня будешь». Видно кровь его нечистая кипела, женского тела хотелось ему. Но ведь случается, что и у них бывают люди хорошие. Старший их строго крикнул и приказал не сметь трогать девку и не приставать к нам. Тогда мерзкий угомонился, отстал

от девушки, спасибо ему. А когда я была в комендатуре, начальник после разговора со мною вызвал этих троих и указал рукою на меня, видимо, сказал им, что я буду проводница. А этот самый человек, как я уже потом узнала от Гали, его звали Жоржем, посмотрел на меня, улыбнулся, а потом повернулся к начальнику и что-то громко заговорил. А начальник замахал руками, забормотал что-то, видимо, был с Жоржем не согласен. Жорж еще что-то строго сказал, а начальник отплюнулся, прошел торопливо несколько раз по комнате, потом вынул из кармана брюк ключ и подал Жоржу. Тот быстро вышел, а через несколько минут пришел с Галей. Лицо ее было оживленно, сама она выглядела доброй, глаза веселые. Я подумала, неужели она не переживает и не болит у нее сердце. А когда дорогой она мне тихонько рассказала, так я прямо от изумления ахнула. Она сказала, что когда зашел в подвал Жорж, то он прямо на ухо ей шепнул: «Ты, девушка, не бойся. Я как брат тебе и хочу спасти тебя».

Старушка замолчала, Мишин окинул всех взглядом, улыбнулся и веселым тоном промолвил:

- Неужели это так, товарищи?

- Да-да, Василий Павлович, это точно так, - сказал Михаил. - Сейчас я должен вам доложить, что этот офицер Жорж помог мне уничтожить предателя. Это он отвел от ареста мою мать и спас от виселицы Митрофана Ивановича. Это он помог мне достать автоматы, гранаты и кое-что другое, без чего, как вам уже ясно, мы не могли бы действовать и бороться с врагом. И вот последнее известие - он освободил из под ареста Галю.

- Какое приятное событие! - произнес с восторгом Мишин.

Все стояли в изумлении. Кто смотрел пристально на старушку, кто на Михаила. Каждый в глубине души надеялся и верил в могучую силу и правду Михаила.

- Ну, что ж, товарищи, это все прекрасно, но мы должны сегодня же встретиться с этими людьми и уточнить все. Сейчас идемте все в избушку, я там дам дальнейшие указания, кому куда идти и что делать.

Мишин тронулся по лесной тропинке, вслед за ним пошли все остальные. Прошло несколько минут, и они уже были у маленькой избушки, кругом которой стояли стройные сосны, и только около стенок стояли старые срезанные толстые пни, поросшие желто-зеленым мхом. Между пнями росла зеленая трава, а в траве изредка проглядывали ало-розовые и белые цветочки. Сосны слегка шумели, на верхушках их чирикали маленькие птички.

- Красиво, хорошо ведь здесь, правда, Василий Павлович? - промолвил Саша, промолвил и быстро юркнул к дверям избышки.

- Ну, товарищи, присаживайтесь, кому какой понравится. Прошу, - Мишин сел на пень и, махнув рукою, пригласил всех сесть. - А вас, Митрофан Иванович, попрошу для гостей поджарить рыбки, если есть.

- Пожалуй, найдется. Самая свежая, еще живая, - Митрофан подошел к маленькому водоему, зачерпнул деревянным ковшом красноперых окуней и быстро пошел в избышку.

Старушка Аграфена немного приотстала и сейчас подошла ко всем.

- Прошу вас, бабушка, присаживайтесь, отдохните с нами.

Старушка поклонилась и неторопливо присела на низенький, толстый лесной «стул». Из избышки выскочил Саша. В одной руке он держал обтрепанную шинель, в другой бумажник. Бросив шинель на землю и, подавая бумажник Мишину, промолвил:

- Вот. Все, что осталось из пожитков Окоемкина.

- Дак, вот, товарищи. На право розыска партизан ему было дано удостоверение, - просматривая документы, проговорил Мишин.

Кирилл поднялся, поднял руку. Мишин положительно кивнул.

- Товарищи, с Окоемкиным у нас операция закончена, это ясно. Пускай теперь не нас разыскивает, а чертей на том свете.

Мишин улыбнулся, посмотрел с любопытством на Кирилла. Тот чуть помолчал и снова начал:

- Дак, вот, как вам уже известно, нам нужно пробраться на Утиное озеро до наступления темноты. Я думаю, мы должны успеть. Расстояние - около семи верст. Около озера, с северной стороны, стоит избышка лесника, в ней зимой и летом жил лесник Яков Полетаев, отец Гали. Я вам немного расскажу о нем. В мае, за месяц до начала войны, с Яковым в лесу около той избышки произошло необычайное происшествие. Яков с дочкой ловил на озере рыбу. Возвращаясь в избышку, он встретился с медведем. В руках у него был только мешок с рыбой. Бросив его в сторону, Яков схватился в рукопашную со зверем. Медведь ревел, кричал и Яков, и неизвестно, чем бы кончилась схватка, если бы в самый горячий момент не подбежала Галя, которая немного отстала от отца. А как услышала она рев, да крик, так бросила мешок с рыбой и пустилась бежать вперед, на крик. Когда подбежала и увидела отца, боровшегося с медведем, она громко крикнула: «Стой! Стой!». Медведь увидел Галю и, видимо, испугался, струсил. Он отступил от Якова и намеривался было бежать, но не успел. В этот момент Яков схватил крепкий камень, и, что было сил, хлестнул по голове медведя, тот рывкнул и упал замертво.

Яков остался жив, но у него было повреждено предплечье левой руки, ниже, с предплечья по руке была содрана кожа. В тот же день, придя в деревню, Яков был отправлен в больницу, в Новгород.

- Он, Василий Павлович, выздоровел, - сказал Михаил. - Дня за три до занятия нашей деревни немцами, Галя получила от него письмо, в котором сообщалось, что здоровье у него хорошее и, что скоро он приедет домой.

- Это хорошо, что выздоровел, - сказал Мишин.

Из избышки вышел Митрофан:

- А вот и жареная рыбка вам, ребятки. Прошу, гости дорогие.

- Ставь на пень сковородку. Ну, товарищи, давайте подсаживайтесь ближе. Время дорого, - махнув рукою, предложил Мишин.

Все уселись в кружок, а когда покушали, то похвалили рыбу и поблагодарили Митрофана. Мишин подошел к нему, положил руку на плечо и промолвил:

- Счастливо вам, Митрофан Иванович, - и указав на старушку Груню, добавил, - ее приютите, чем богаты покормите. Ведь ночь надвигается, пусть отдохнет, а завтра пускай домой идет, что надо - подскажите ей дополнительно, сами знаете.

- А я, Василий Павлович, думаю, пускай она здесь поживет. Среди фашистов ей тоже не сладко будет, от них добра не жди.

- Правильно, Митрофан Иванович, пусть поживет у вас. Ну, а ты как, Саша? - спросил Мишин.

- А я домой, наверное.

- Правильно, Саша, тебе нужно домой.

Саша кивнул головой и спросил:

- А винтовка?

- Что винтовка? Винтовку ты приобрел, ты ей и пользуйся! Она теперь товарищ и друг твой, береги и храни ее. Ясно?

- Ясно! - ответил Саша и быстро добавил, - есть, беречь и хранить!

- Выполнять!

- Есть, выполнять! - Саша повернулся, подошел к брату, тихо что-то промолвил при рукопожатии, попрощался с ним. А потом, каждому подал руку и произнес:

- Счастливо, вам!

- Счастливо тебе, Сашок! - говорили все в ответ. Он ловко вскинул на плечо винтовку, взял в руки пару удочек и быстро пошагал по лесной тропе. Пока он не скрылся из вида, все с вниманием, молча, провожали его. И только потом Мишин промолвил:

- Молодец! В его возрасте, пожалуй, не много таких.

Саши было уже не видно, а Михаил все глядел ему вслед. Он глядел на зеленые сосны, за которыми скрылся брат и думал, как хорошо, что встретился сегодня с ним. На сердце сделалось легко и радостно.

- Товарищи! Задача вам ясна?

- Ясно, товарищ командир!

- На право! По заданному маршруту, по одному, средним шагом, вперед марш!

И так, по лесной тропе, двигались четверо. Впереди шел Мишин, он хорошо знал эту тропу на Утиное озеро. Все шли молча, каждый из них думал о своем. Михаил думал о встрече с Жоржем. Мишин думал о встрече с Галей, это же его сводная сестра. Так они шли, думали, стремились...

Мишин остановился, остановились и все.

- Ну что, ребята, передохнем или пойдём до Утино́го? Осталось рукой подать.

- Пойдем вперед.

И только успели они промолвить «вперед», как в стороне Утино́го озера послышался выстрел. Все прислушались.

- Что это значит? - посмотрев на всех, спросил Мишин.

Все молчали. Через несколько минут раздался второй выстрел.

- Неужели дают сигнал?

Немного помолчав, Мишин тихо скомандовал:

- Приготовится к бою!

- Есть, приготовиться! - так же тихо ответили партизаны...

Часть четвертая

Четверо партизан приближались к избушке, откуда несколько минут назад раздалась выстрелы...

Три разведчика, посланные для розыска партизан, были разных национальностей. Старший из них – француз, капитан Жорж, второй – немец, сержант Макс, третий - испанец Висенти, адъютант капитана Жоржа. Сначала, между ними было все спокойно, но потом немец будто взбесился. Он стал восхваляться своими хулиганскими выходками из прошлого, но когда капитан Жорж резко сказал ему, что так нельзя себя вести, «ведь с нами находится девушка, и надо быть вежливее», немец не уgomонился. Он психовал:

- Моя натура терпеть не может вежливости! Гитлер дал нам волю гра-

бить, убивать, насильничать, а вы что, капитан, против?

Он подскочил к Гале, схватил ее за руки и, что было сил, потянул к себе. Галя кричала, сопротивлялась.

- Прошу оставить ее в покое! – строго, взволновано крикнул Жорж.

Но немец и слушать не хотел. Он не отпускал и тянул девушку к себе. И только после выстрела Жоржа он осекся, выпустил девушку из рук и злобно окинул глазами Жоржа. И тут он закричал:

- В таком случае, она не будет ни моя, ни твоя! Она станет моей жертвой!

Он выхватил из чехла нож и намерился было броситься на Галю, но в это мгновение снова раздался выстрел... Немец упал, несколько раз хрипнул и затих. Галя ясными, как небо, голубыми глазами, растерянно смотрела то на Жоржа, то на Висенти. Испанец отплевывался и что-то бормотал.

- Ничего, Галя, будьте спокойны. Наш Висенти говорит, что собаке - собачья смерть. Он говорит, что за несправедливое хамство и мысли мы будем мстить таким собакам, как Макс, - посмотрев на Галю, уважительно промолвил Жорж.

Галя подседа к Жоржу и проговорила:

- Вы спасли меня, но вы погубите себя! Вас будут судить.

- За правду не судят, - ответил Жорж.

- У фашистов правды не найдешь, - сказала Галя.

- Совершенно правильно вы сказали, у фашистов правды не было, нет и не будет. Я – француз, коммунист, а Висенти – испанец, мы хотим правды! Счастья хотим, трудиться и мирно жить на земле и, как и все русские люди, хотим учиться новому, полезному для человека. Но фашисты – изверги, они лишили нас всего этого! Они лишили нас счастья! Ведь они убили, расстреляли меня! Но я, как видите, еще жив и борюсь за справедливость! А хотите, Галя, я вам расскажу о своем прошлом?

- Пожалуйста, расскажите, - приятно улыбнувшись, ответила Галя.

Жорж глубоко вздохнул, немного помолчал и начал:

- Родился я в 1915 году, в бедной крестьянской семье, вернее, в батрацкой, потому как у моих матери и отца не было земли. Мы жили недалеко от Парижа, наш небольшой домик стоял на берегу реки Сены. Моя мать любила цветы. Около нашего дома всегда росли красивые цветы. Нас у матери было двое: я и моя сестра Эльза. Отец умер, когда мне было шесть лет, а Эльзе четыре года. Мать работала на стекольном заводе, заработок ее был низким и поэтому после работы мать часто помогала с делами богатым людям. После смерти отца, когда мы немного подросли,

мы с сестрой ездили в Париж продавать цветы. Это нам немного облегчало жизнь. Но когда мы стали почти взрослыми, заболела мать и вскоре умерла.

Мне в ту пору было 18 лет, а Эльзе 16 лет. Хотя я, как и мать, любил ухаживать за цветами, но ездить в Париж я больше не стал. Продавать цветы стала Эльза вместе со своей подругой Элизой. Из родных у нее не было никого, и после смерти нашей матери она все время жила с нами. Как-то, девушки уехали в Париж. День подходил к вечеру, солнце клонилось к горизонту, а их все не было. Я ждал их приезда, как всегда бывало раньше, когда солнце было еще высоко. И вот к нашему домику подъехала легковая машина, а из кабины, как птички, выпорхнули Эльза и Элиза. «Пожалуйста, пройдемте, это наш дом!», - приглашали девушки кого-то из машины. Через несколько секунд из кабины вышел прилично одетый господин. «Познакомьтесь, это - мой брат Жорж, - сказала Эльза и, бросив взгляд на мужчину, добавила, - я же вам упоминала, что за этой девушкой ухаживает мой брат». Мне стало как-то неудобно, но не потому что я не любил Элизу, нет, я был смущен такой легкомысленной откровенностью моей сестры. Заметив на моем лице смущение, Эльза усмехнулась. Она ласково посмотрела на меня и сказала: «Да ты что, Жорж? Мы же девочки и то, не теряемся, а ты ведь мужчина!». Господин подошел ко мне, подал мне руку и представился: «Бенуа Фрашон». «А меня зовут Жорж», - ответил я. «Теперь я вижу вас лично, Жорж, и мне это очень приятно», - проговорил Бенуа. Я пригласил всех в дом. Эльза, Элиза и Бенуа прошли в переднюю комнату, и я предложил присесть за стол. «Это очень приятно», - скинув шляпу и присаживаясь за стол, проговорил Бенуа. Он посмотрел добрым взглядом на меня и произнес: «Я хочу спросить вашего позволения любить, уважать и оберегать вашу сестру Эльзу!». Сначала я подумал, что он шутит или смеется надо мной, но он, выжидая, смотрел на меня. И я смотрел на него в упор и молчал. Но тут, вдруг, он вынул из кармана пистолет и, наставив его в свою грудь, нервно проговорил: «Если вы не позволите, то я убью себя!». «Да вы что! Бенуа, ведь это ее дело! Если она хочет вас любить, то при чем же тут я!», - говорю я ему. Он положил пистолет на стол и, указав на Эльзу, уже более спокойно сказал: «Вот именно «причем»! Эльза сказала, что если вы позволите ей, то тогда она будет любить меня!». Тогда мне казалось, что в его голосе было что-то глупое, наивное и я снова замолчал. «Многоуважаемый друг, - после некоторого молчания воскликнул Фрашон, - я не только хочу горячо и всю жизнь любить Эльзу, но еще я клянусь вам, Жорж, что всегда буду вашим другом и товари-

щем!». И хоть душевно серчал я, но видя улыбающуюся Эльзу и ее радостный вид, ничего не сказал плохого, а лишь ответил: «Я не против, воля ваша». Фрашон сразу повеселел, Элиза и Эльза вынимали из чемодана разные гостинцы и угощали меня и Бенуа, словом, мы все четверо вечер провели в дружественной, веселой беседе. Утром, чуть поднялось на горизонте востока солнце, Бенуа Фрашон и моя сестра Эльза попрощались с нами и уехали в Париж. И вместо Эльзы со мной теперь осталась Элиза.

Во время нашей вечерней беседы она сказала: «Ради подруги и ради тебя я могу остаться и, чем смогу, буду помогать». Я не стал говорить ничего против, да и что я мог сказать, когда я так ее любил. Нам было не скучно вдвоем. По Эльзе сначала скучал, а через некоторое время поступил в военное училище, которое находилось совсем близко от нашего дома. Стал учиться военному делу и скучать там было некогда. Изучали произведения великих мыслителей: Карла Маркса, Энгельса, книги о русской революции 1917 года, которую совершил великий русский вождь и учитель В.И. Ленин. Изучали иностранные языки, особенно, меня интересовали русский, немецкий и испанский, на которых я могу теперь свободно говорить. Время шло быстро, как бежит в быстрой реке вода. Наступил день разлуки с Элизой...

Из училища меня командировали в какую-то особую воинскую часть сроком на один год. Ну, что ж, служба - есть служба. Прощаясь с Элизой, мы дали друг другу клятву всегда любить, не забывать и ждать друг друга. Но вот прошел год, и я думал вернуться домой к Элизе, как, вдруг, мне предложили остаться служить сверхсрочно. Военное дело я любил, но служить отказался. Я рассказал полковнику, что у меня есть дом, который находится недалеко от Парижа, на веселом берегу реки Сены. «Но дело еще в том, - признался я полковнику, - что у меня есть девушка, которая живет в нашем доме и ждет меня». Выслушав мое признание о девушке, полковник предложил мне на месяц съездить домой. «А если пожелаете, то ваша девушка может потом приезжать навещать вас. Мы дадим вам удобную квартиру, присвоим вам воинское звание, и вы будете получать приличное жалование, не менее 100 франков в месяц, что еще нужно!», - настаивал полковник. Я подумал, подумал и согласился, толи потому что любил воинскую службу, толи потому что мне, видно, суждено было.

Какое было счастье встретиться с Элизой! А когда прошел месяц, мне надо было возвращаться в часть и снова разлучаться с Элизой. Тут-то я и призадумался, тут-то я и вспомнил Бенуа Фрашона, который был готов

ради любви пойти на самоубийство. И теперь я уже не считал его половым, мне это стало близким и понятным. Я открылся Элизе, а она, выслушав меня, сказала: «Куда ты, туда и я. Куда иголочка, туда и ниточка, так ли, мой милый, дорогой Жорж?». «Конечно так!», - ласково ответил я, и мы покинули домик на Сене. Мы вместе тронулись в путь и через два дня прибыли в часть, где я служил. Пошли мы вместе с Элизой к полковнику. «Вот и прекрасно, - улыбаясь, проговорил он. – Ну, хорошо, пока располагайтесь вместе». Отвели нам квартиру. «Ну, как самочувствие?» - спрашиваю я Элизу. «Прекрасно, я очень довольна, милый мой Жорж». Я молчал, но на сердце легли слова полковника «пока располагайтесь вместе», а потом что? Я предчувствовал, что что-то должно с нами произойти нехорошее, да так оно и получилось.

Через два дня полковник вызвал меня в кабинет, он предложил мне какую-то командировку, и я спросил: «На сколько?». «Это вас не касается! Время военное и будьте добры выполнять приказания. Вы слышали, что немцы хотят захватить Францию, Англию, а потом двинуться на Восток? Гитлер гениальный мыслитель, он хочет завоевать весь мир! Это вам понятно?», - он стучал карандашом о стол и сурово смотрел на меня. Я тогда подумал, что он хочет узнать мое мнение, но я и подумать не мог, что передо мной сидит немецкий шпион-provokator, который работал во Франции много лет. Об этом я, конечно, узнал потом. «Ну, что вы ответите? - спросил он. «Да вы что, полковник, на горло что ли хотите мне наступить! - не теряясь, ответил я. - Гитлер - не гениальный мыслитель, а сумасбродный! Еще не было в мире такого, чтобы какой-либо мыслитель стал властелином мира и никогда этого не будет! Я – француз, пролетариат, я должен защищать родину и бороться с такими сумасбродными мыслителями, как гитлеровские фашисты!». Я хотел ему сказать о настоящих, гениальных мыслителях, как Карл Маркс и Энгельс, но в это мгновение полковник вскочил с кресла. «Вот ты какая птица!», - крикнул он злобно и взял трубку телефона: «Алло, это говорит полковник Миллер, прошу вас срочно послать трех вооруженных солдат на грузовой ко мне! Да-да, срочно сюда!», - он положил трубку, присел и замолчал. Молчал и я и думал, что все это значит? Долго мне думать не пришлось.

Через несколько минут во дворе появилась машина, и в окно мне было видно, как из машины выскочили трое солдат с автоматами. Двоих я хорошо узнал, это были мои товарищи по службе. Они зашли в кабинет полковника. «По вашему приказанию прибыли!» - отрапортовал один из них, старший сержант. Полковник махнул рукой на меня: «Арестовать!

И отвести его на песчаные дюны!». Солдаты знали, что значит «песчаные дюны». Это пустынная поляна, на которой была небольшая лощина, и когда поднимался сильный ветер, песок переносился с места на место, поэтому там образовались небольшие бугры, а между ними – выемки, небольшие ямы. В последнее время немецкими властями Миллеру был передан секретный приказ - истреблять лучших французских людей. Вот сюда-то немецкий шпион и направлял их на расстрел... Итак, связав мне руки назад, приказали следовать во двор, к машине. Я запрыгнул в кузов, полковник сел с шофером в кабину, а трое солдат сели около меня. Шофер дал сигнал, часовой открыл ворота и машина быстро помчалась. Долго не ехали, машина остановилась. «Приехали, господин полковник», - послышался голос шофера. «Передайте солдатам, чтоб быстро привели мой приказ в исполнение». Шофер выскочил из кабины и крикнул солдатам, чтобы они быстро выполнили приказ. «Есть, быстро выполнить!», - слышались голоса солдат. В это мгновение все посмотрели на меня, перемигнулись, улыбнулись и пулей выпрыгнули из кузова. За ними выскочил и я. Мне было ясно, что я обречен.

Когда мы ехали в кузове, ребята сказали: «Сделаем первый залп - немедленно вались. Мы пустим его выше, - они сунули мне в голенище трубку, - а это на всякий случай, будете через нее дышать». Ремень, которым были связаны мои руки, перерезали и на разрезе чем-то помазали. «Арестованный, вперед, шагом марш!» Я быстро пошагал по указанному направлению, а за мной с автоматами на изготовке, шли солдаты. Шофер остался около машины, полковник остался в кабине. Дойдя до первого бугра, я услышал: «Стой!». Как только я остановился, раздался сигнал машины «пик-пик» - это была команда стрелять. Бах-бах... надо мною с визгом просвистели пули. В это мгновение я упал в яму на песок, а через несколько секунд ко мне подбежали трое, и старший кричал: «Быстро, быстро давайте! Руками, ногами!», - и на меня посыпался песок. Голову и лицо мне прикрыли платком, я почувствовал, как кто-то меня теребит за руку: «Ты потерпи немного. Попозже придем, поможем!». Потом снова слышу голос: «Ребята, полковник, видимо, не подойдет, давайте песок по сторонам». Через мгновение слышу голос сержанта: «Становись! К машине, шагом марш!». Еще минута и снова слышу сигнал «пик-пик». Машина удалилась.

Я поднял голову, вытащил из песка ноги, отряхнулся и присел в яме. В голове рождались мысли, я думал об Элизе, думал о полковнике и о том, за что он меня хотел погубить. Сердце мое учащенно стучало и гневало. В голове мелькнул великий русский поэт Пушкин. «Надо мстить,

как мстил Дубровский! Будет незаконно, но справедливо! Мстить! Мстить, рано или поздно! Мстить, тайно или открыто!»

«Жорж!», - я повернул голову, передо мной стояли трое моих товарищей-солдат. Они бросились ко мне, обнимали, а я крепко пожал каждому руку и сердечно всех поблагодарил. А они мне говорят: «Человек человеку должен быть друг, товарищ и брат». Один из них подал мне сумку с чем-то и сказал: «Это тебе, друг, на первые дни, для поддержки». Другой дает плащ: «Это тебе, брат, на случай прикрытия от плохой погоды». Третий сует в карман пистолет: «Это тебе, товарищ, на случай защиты от злого человека». Все они советовали поскорее покинуть это место. «А Элиза моя?» - заволновался я. «Знаем, Жорж, знаем, - ответил сержант и добавил, - но пока мы не можем устроить вам встречу». Услышав эти слова, я склонил голову, загрустил. «Слушай, Жорж, не грусти, главное - сохрани себя». «Я понял» - произнес я в ответ. На прощание я пожал всем руки и еще раз поблагодарил ребят за помощь, а они пожелали мне счастливого пути и сказали: «Где бы ты ни был, Жорж, далеко ли, близко ли, помни, наша цель одна - защищать Францию, бороться с немецко-фашистскими людоедами, помогать всем тем людям, которые борются и ненавидят фашизм. Запомни, товарищ, наши слова!» «Спасибо, за добрый совет!», - ответил я, накинул сумку на плечо, кивнул им и пошагал по унылой, голой поляне.

На сердце было грустно, но я духом не падал и бодро шел вперед. Вот и кончилась поляна и впереди заколыхалась зеленая трава. В траве стрекотали кузнечики, на ветках кустов чирикали птицы, идти стало веселее. Остановившись у куста бузины, я снял с плеч сумку, присел, расстегнул ее и стал просматривать содержимое. Две пачки печенья, консервы, в чистом полотенце был кусок туалетного мыла, на дне сумки лежала бутылка с этикеткой «Парижское виноградное». Раскупорив ее, я глотнул. Смочив горло и утолив жажду, стало как-то получше, и вдруг я увидел самое дорогое - голубой платок Элизы. Я прижал его к лицу, поцеловал, а из него выпала бумажка. Читаю: «Дорогой Жорж, обо всем, что произошло с тобой, мне известно. Мужайся и жди меня там, где было наше первое свидание. До встречи! Горячо любящая тебя Элиза!». «Как хорошо, что она все знает, - подумал я. - Как они все успели? Молодцы ребята! Правильно говорит русская пословица - не имей сто рублей, а имей сто друзей!». Я еще несколько раз глотнул из бутылки, чуть закусил, закинул сумку на плечи и с веселым настроением подался вперед.

Пройдя несколько километров, я вышел на большую трассу. Помедлив немного, снова пошагал вперед и тут я увидел как по дороге навстре-

чу мне шла машина. Она уже была в десятках шагах от меня, когда я свернул на обочину, махнул ей рукой и снова пошагал вперед. Отошел несколько шагов и слышу «пик-пик». Повернулся, смотрю - из кабины машины выскочили двое, мужчина и женщина. Они замахали мне руками и закричали: «Жорж! Жорж!». Женщина торопливо бежала ко мне и все кричала «Жорж!». Когда она была в нескольких шагах от меня, я прямо ахнул - это была моя сестра Эльза. «Братик мой, Жорж! Я не ошиблась, узнала тебя!», - подбегая ко мне, радостно, торопливо говорила она. Мы бросились друг другу в объятия и крепко обнялись. «С какими делами вы едете, сестра?» - спрашиваю ее. «Мы по служебным делам едем в воинскую часть, а ты-то какими судьбами здесь? Как странник какой идешь». «Да, я странник», - улыбаясь, ответил я. «А кто с тобой едет, Бенуа?» - спрашиваю я ее. «Ну, конечно! Кто же больше, - радостно улыбаясь, ответила Эльза, - а вот и он сам!». «Сколько лет, сколько зим!» - протягивая мне руку, говорил Бенуа. Он забрасывал меня вопросами: как, да что? откуда, да куда? Сначала я умолчал о моих происшествиях, а потом решил рассказать всю правду. Когда я говорил, Эльза то краснела, то бледнела, а Фрашон обнял меня и поцеловал в щеку. «Счастливый ты, Жорж! Счастливые и мы с тобой, Эльза». «Да, что мы тут стоим, пошли к машине!» - воскликнула Эльза. «Да-да, пойдете», - поддакнул Бенуа. - Полковник Миллер, видимо, предатель, немецкий шпион. Его надо немедленно арестовать, - подходя к машине, проговорил сурово Бенуа». «Попробуй, подойди, да арестуй его», - ответил я. Фрашон посмотрел на меня и снова сказал: «Жорж, ты наверно считаешь меня каким-нибудь коммерсантом. А ведь я являюсь военным человеком, работаю в министерстве французского правительства и наша основная работа - проверять воинские части. По должности я - начальник-ревизор воинских частей, в звании генерал-лейтенант». Мы подошли к машине, водитель подвинчивал у колеса гайку. Он выпрямился, посмотрел на Фрашона: «Ну, что, генерал-лейтенант, едем? «Пока нет, - ответил Бенуа. - Прошу вас, познакомьтесь». «Леон Дельфоре», - подавая мне руку, представился шофер. «Меня зовут Жорж», - пожав его руку, ответил я. «Это тот самый Жорж, ваш брат, про которого вы часто говорили и вспоминали?», - обращаясь к Эльзе, спросил Леон. «Да-да, он самый!», - радостно ответила Эльза. «Очень приятно», - добавил Дельфоре. «Да, это очень приятно, - повторил Бенуа, но вот то, что произошло с Жоржем сегодня утром - это уже неприятно».

- Ну, ничего, бывают в жизни огорчения, - прервав рассказ, Жорж привстал с табуретки, глубоко вздохнул, посмотрел ласково на Галю и

промолвил, - может я вам, Галя, наскучил своим рассказом о прошлом?

- Нет-нет, очень интересно слушать вас, - ответила Галя. - Вы, Жорж, как по книге рассказываете, мне приятно вас слушать.

Жорж вынул из полевой сумки белую свечку, зажег фитиль, поставил ее на столик, а потом сказал что-то Винсенту. Галя не понимала их разговора.

- Я приказал Винсенту, чтоб он убрал труп. Ну, что ж, Галя, продолжим?

- Пожалуйста, - ответила Галя.

Жорж присел рядом и снова начал:

- Бенуа с добрым выражением посмотрел на меня: «Вы, Жорж, должны стать генералом». «Для этого нужен большой военный опыт и плюс - надо окончить военную Академию», - говорю я ему. «Вы правильно ответили, но ведь я сказал это не в смысле реальной действительности, а в смысле того, что вы можете стать актером и сыграть роль генерал-лейтенанта». «А-а, это совсем другое дело. Я ведь когда-то работал в государственном театре». «Я знаю, в этом деле у вас большой талант, Жорж. Я помню, мне приходилось бывать в том театре, где вы работали. Вы играли роль жестокого короля. Замечательно получилось, зрители аплодировали и поздравляли вас, как лучшего актера. Так вот о чем я хотел сказать: вы, Жорж, сейчас оденете форму генерала, а на голову парик, а потом мы поедем в вашу воинскую часть, где вы будете действовать, как генерал. Ясно?» «Ясно», - ответил я. «Я надеюсь, что вы сыграете эту роль успешно». «Обязательно», - уверил я. Бенуа быстро подошел к машине, вынул из кабины небольшой чемодан, а из него генеральский китель и брюки. «Вот форма», - подавая мне, сказал он. Я быстро надел брюки и китель, потом парик и сказал: «Готов». «Вот и хорошо. Действуйте, генерал, мы теперь ваши подчиненные».

Мы все уселись в машину, я дал шоферу команду ехать по назначенному маршруту в воинскую часть. Леон Дельфоре нажал на педаль газа и машина помчалась. Минут через десять мы были у проходных ворот. Леон подал сигнал, Бенуа выскочил из кабины и, подавая пропуск часовому, проговорил: «Едет большой человек, генерал-лейтенант, от самого Шарля де Голля, мы его сопровождающие». Часовой посмотрел на машину и, увидев седого генерала, отдал честь, затем подал Бенуа пропуск и быстро открыл ворота. Во дворе у воинского здания машина бесшумно остановилась, все мы вышли из кабины и направились к крыльцу. Впереди шел Бенуа с Эльзой, потом шел Леон, а позади всех шел я. В коридоре у дверей кабинета полковника стоял часовой. Бенуа подал

пропуск, вернее, парижское министерское удостоверение и, махнув рукой в мою сторону, сказал: «Генерал-лейтенант, от самого маршала Де Голля». Бегло посмотрев документы, часовой подал их обратно Бенуа и вытянувшись по стойке «смирно», отдал воинскую честь. «Вольно!» - я остановился перед ним и изменившимся голосом тихо спросил: «Ну, как у вас дела идут, как служба? Не имеете ли вы каких претензий или жалоб на начальство? Мы приехали проверить вашего полковника Миллера, скажите, что знаете, и мы защитим вас, солдат». «Да, товарищ генерал-лейтенант, скажу вам по совести, что у нас в части происходит террор. Наш полковник приказывает нам расстреливать наших же друзей, товарищей». «За что?» - спрашиваю я его. «Об этом, генерал-лейтенант, спросите сами этого убийцу». «Он приказывает, а вы расстреливаете? Так что ли?» «Нет-нет, товарищ генерал-лейтенант, мы гневно протестуем против его приказаний. Мы помогаем расстрелянным товарищам». «Живым надо помогать, а не расстрелянным», - сказал я. «Простите меня, генерал-лейтенант, за неполную откровенность - мы спасаем своих товарищей от расстрелов». «Тогда, вы рискуете своей жизнью», - говорю я ему. «Риск - благородное дело! Сам погибай, а товарища выручай, не так ли, товарищ генерал-лейтенант?» Я приветливо улыбнулся ему и положительно кивнул, потом открыл дверь, зашел в кабинет, со мной зашли и все остальные.

Полковник сидел за столом. Увидев нас, он вскочил, вроде смутился, и, окинув всех взглядом, проговорил: «Прибыли к нам. Пожалуйста, присаживайтесь». «Мы прибыли к вам не для просиживания на диванах, - генеральским, густым голосом, начал я, - мы прибыли к вам из министерства проверить воинскую часть, которой вы управляете - это одно. А еще, нам нужно узнать, не служит ли у вас в части один человек, государственный преступник. Правительство поставило цель, во что бы то ни стало, разыскать этого преступника. Решено вознаградить тех людей, которые примут участие в его поимке. Вознаграждение - десять тысяч франков за живого и пять тысяч - за мертвого». Я замолчал и в упор посмотрел в лицо полковнику. Лицо его было рассеянным, он часто заморгал глазами и спросил: «Господин генерал-лейтенант, вы не упомянули имя этого человека». «Да, не упомянул. Имя преступника Жорж, с ним еще должна быть молодая девушка, которую зовут Элиза. За нее тоже объявлено вознаграждение, в том же объеме». Только я проговорил, как полковник вскочил с кресла и захлопал рука об руку: «Ха-ха, пятнадцать тысяч! Десять за девушку и пять за покойничка!» «За какую девушку? За какого покойничка?» - суровым голосом спросил я его. Он

развел руками и произнес: «За девушку, по имени Элиза, что находится у меня в расположении части. И за другого преступника, Жоржа. Только он заболел чумой и помер, сегодня утром мы его похоронили на пустынном месте. Разрывать его опасно». «В таком случае, нам нужны его документы и люди, которые его хоронили. Они будут свидетелями». «Я сам сопровождал процессию и буду свидетелем». «Нам нужны люди, которые хоронили его», - упорствовал я. «Наши солдаты хоронили», - буркнул он. «Сейчас же, немедленно, вызвать этих солдат и ту девушку!», - строго сказал я. Ни слова больше не сказав, он взял телефонную трубку: «Да-да, это полковник Миллер, прошу прислать в кабинет ко мне двух солдат. Нет, тех, особых, срочно нужны. Жду». «А девушку, почему не вызвали?» «Генерал-лейтенант, она у меня здесь, в комнате закрыта», - он указал на дверь, которая была закрыта на большой замок. «Я ведь, как знал, что она преступница». «А ну, давайте ее быстро сюда!» Я приказал Бенуа и Эльзе выйти в коридор. Полковник вынул из кармана ключ, открыл замок: «А ну, выходи, преступница, - распахнув дверь, злобно пробубнил он и добавил, - гордая!». «Я стою за правду и честь», - выходя, смущенно проговорила Элиза. «Пройдите, девушка, садитесь», - приглашая ее на диван, тихим, ласковым голосом промолвил я. Элиза присела напротив меня. «В чем дело? Почему полковник держит вас под замком?» «Я, господин, ни сделала ничего преступного, лишь то, что была не согласна на его гнусные предложения. Он, видимо, считает меня преступницей, но ведь это не так, - глубоко вздохнув, начала взволновано говорить Элиза. - Это он преступник, хищник! Он разлучил меня с дорогим другом. Пусть я лучше смерть приму, чем соглашусь на его гнусные предложения! Он растерял моего любимого, но я не знаю за что? И прошу вас, пожалуйста, узнайте, за что он растерял его!».

В кабинет вошли трое: два солдата и сержант. «Товарищ генерал-лейтенант, разрешите обратиться к полковнику?» «Нет, не разрешаю! Обращайтесь ко мне», - строго бросил я. «Товарищ генерал-лейтенант, разрешите доложить? - я кивнул. - По вашему приказанию прибыли!» «Мы вызвали вас, как свидетелей, по делу сержанта Жоржа. Полковник говорит, что Жорж заболел чумой и умер, а вы его похоронили. А вот девушка говорит, что вы его расстреляли». «Это не правда, генерал-лейтенант! - стукнув по столу, закричал полковник. - Она хочет меня оклеветать!». «Прошу вас пока помолчать, ясно вам, полковник? - крикнул я ему строго. - Так вот, мы вас вызвали по этому делу, нам нужен труп. Вы можете указать то место, где похоронен Жорж?» «Его могила, генерал-лейтенант, пустой звук». «Почему?» - спрашиваю. «Потому что

могила пустая, - старший сержант посмотрел на меня и добавил, - ведь главное то, что хороший товарищ не подведет своего друга в трудную минуту, он всегда поможет ему. Вот и мы так сделали. Жоржа мы не расстреляли, а отпустили на волю. А наш полковник, видимо, занимается грязными делами». «Молчать!» - закричал в бешенстве полковник. Он выхватил из кармана маузер. «Обезоружить и арестовать его!» - крикнул я. Все трое солдат бросились на полковника, маузер из его рук полетел на пол. «Товарищи, вяжите ему руки и ноги. Это предатель нашего французского народа!» - крикнул я уже своим голосом.

Связав его ремнями, ребята и моя побледневшая Элиза бросились ко мне и стали обнимать. Я пригласил остальных из коридора. Войдя в кабинет, Элиза бросилась в объятия Элизе, но не успела она ее обнять, как та упала без чувств. Я быстро сбросил с головы парик и склонился над Элизой. Лицо ее было белым, как снег. «Элиза! Элиза, очнись! Это я – Жорж!» - с волнением шептал я. А она только открыла глаза и, посмотрев меня, чуть прошептала: «Милый Жорж, прощай! Я счастлива, что увидела тебя...», - она хотела коснуться моего лица, но не смогла. Я целовал ее губы, глаза и все шептал: «Элиза, Элизочка, милая». Но ее сердце уже не билось. Она умерла. Видимо, от разрыва сердца.

- Галя, мне тяжело и грустно вспоминать это, - Жорж поднялся с табуретки, прошелся несколько раз по комнате и снова присел, чуть помолчав, сказал, - вот такие события произошли с нами в 1940 году.

- Ну, а что произошло дальше? - спросила Галя.

Помолчав с минуту, Жорж тихо промолвил:

- Ну, что ж, доскажу вам, Галя, чем дело кончилось. В тот же день вечером мы заявили о случившемся в органы государственной безопасности. Забрали с собой полковника, вернее, шпиона, все его важные документы и выехали оттуда.

- А Элиза как же? - спросила Галя.

- Взяли с собой моих товарищей и покойницу Элизу. Похоронили мы ее около нашего родного домика на берегу Сены, в тенистом садике, где было наше первое свидание. Потом мы поехали в Париж и обратились прямо во дворец министерства. Бенуа рассказал главному министру гос.безопасности о случившемся. Главнокомандующий, выслушав Бенуа, сердечно поблагодарил меня и всех моих товарищей за помощь. Пожав нам всем крепко руки, он торжественно произнес: «Спасибо вам, друзья! Вы - настоящие патриоты Франции. Вы разоблачили крупного немецкого шпиона. Он тиранил нашу страну несколько десятков лет».

В скором времени мы с Бенуа Фрашоном получили от Министерства

задание: поехать в Германию по важному делу, связанному со шпионом Миллером. Получив заграничные визы, я, сестра и Бенуа отправились в Германию. Приехав по маршруту задания в город Берлин, мы обратились в главный театр. Нас там встретили, как прославленных артистов. Наши мандаты, как бы от имени полковника Миллера, были отработаны чисто. Шпион Миллер просил немецкое командование срочно послать к нему двух генералов во Францию. И еще нам было поручено, как лучшим артистам, сыграть в главном Берлинском театре. Бенуа играл роль шпиона-полковника Миллера, Эльза играла роль Элизы, а я в первом действии был в роли солдата-сержанта, а потом в роли генерал-лейтенанта. Вся разница в спектакле была в том, что имена у персонажей были другие, полковник-шпион был не немецкий, а английский, а события происходили не во Франции, а в Германии. По окончании спектакля, зал шумно аплодировал нам, а сам Геббельс пригласил нас, как почетных гостей, в Рейхстаг. Это было как раз 22 июня 1941 года, когда Гитлер дал распоряжение выступить своей черной, фашистской своре против Советского союза. Через несколько дней Бенуа с Эльзой и двумя немецкими генералами уехали обратно во Францию. А я в чине капитана остался в Германии, чтобы мстить фашистам изнутри страны.

Жорж хотел еще что-то сказать, но в это мгновение открылась дверь.

- Разрешите ворваться?

От неожиданности Жорж и Галя привстали со своих мест. Испанец стоял неподвижно, как штык. Увидев знакомое лицо Михаила, Жорж бросился к нему. Галя пулей выскочила из-за спины Жоржа.

- Миша, дорогой, неужели это ты! - обнимая его, радостно произнесла она.

- Друзья, одну минутку, - бросил торопливо Михаил.

Он выскочил из избушки на улицу, окрикнул товарищей. Из-за сосен выскочили трое.

- Видите? - указывая на лежавшего немца, проговорил Михаил.

- А как это все могло получиться? – недоумевая, проговорил Мишин.

- Товарищ командир, есть такая пословица: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Мир и дружба - сильнее оружия.

Галя снова с радостью бросилась к своим. Каждый пожимал ей руку, обнимал и расспрашивал о случившемся. Все были рады.

- Значит, он тебя спас? - указывая на Жоржа, спрашивал Мишин.

- Да, Василий Павлович. Ради меня он не пожалел этого изверга, - Галя говорила взволнованно.

- Ну, успокойся, Галина, - ласково повторял Мишин.

Бурыгин и Кирилл Забегалов смутились. Им как бы не верилось, они смотрели во все глаза, то на Жоржа, то на испанца.

- Он настоящий человек! С добрым сердцем, - начала Галя, - я верю ему. Он только что все мне о себе рассказал.

- Товарищи, я ваш друг и соратник. Я боролся и хочу бороться, как и вы, против проклятых фашистов! - говорил Жорж.

На лице его отражались ясность ума и какая-то особенная, благородная смелость. Он вынул из кармана куртки маленький пакетик.

- Пожалуйста!

Мишин взял пакетик и развернул его. Там были разные документы. Просмотрев их, Мишин спокойно начал:

- Товарищи! Мы сегодня должны торжествовать за нашу встречу с капитаном Жоржем. Его мандаты свидетельствуют о славном, дружественном нам, французском гражданине, человеке-коммунисте. Он имеет большую силу воли, разума и правды. Спасибо вам за все! - подавая пакет Жоржу, промолвил Мишин и приветливо улыбнулся. - Спасибо вам, что вы помогли и помогаете нам бороться с фашистами!

Мишин подошел к Жоржу и крепко пожал ему руку.

- Товарищи, прошу вас поприветствовать его.

Все подошли к Жоржу, каждый пожимал ему руку. Офицер посмотрел на испанца и сказал:

- Ты что, Висенти, приуныл? Подойди, поздоровайся. Это же наши русские товарищи.

Кроме Мишина никто не понял, о чем он сказал Висенти. Испанец подошел к Мишину подал ему руку.

- Товарищи, это мой адъютант, испанец, зовут его Висенти. Он, как и мы все, ненавидит фашистов. О том, почему он очутился в немецко-фашистской армии, я расскажу вам вкратце, сам-то он по-русски не может говорить. Он попал в немецкую армию за то, что, якобы, убил какого-то одного монастырского монаха. Убить он, конечно, его не убил, а просто стукнул рукой по лицу. А стукнул за то, что монах насильно увез в монастырь его сестру Долорес. Я говорю вам то, что он сам мне рассказал. Так вот, куда пропала девушка Висенти не знал, и только через несколько дней, при помощи своей собаки, которая привела его по следу к монастырю, он разыскал ее. У ворот монастыря Висенти дал позывной сигнал.

- Кого вам? - открывая ворота, сердито спросил монах.

- Мне нужна моя сестра, Долорес.

- Забудь о своей сестре! Теперь она будет жить у нас в монастыре, -

грозно ответил монах.

- Кто дал вам право увести ее и удерживать против воли?! - гневно проговорил Висенти.

- Наша воля – божья. Бог решает и располагает. Без Бога не до порога, если разрешит Бог, мы ступаем за порог и делаем по божьей воле, что хотим, - монах обтер рукою длинную бороду и добавил, - уходи, а то позову чертей с рогами и с хвостами, они тебя мигом протащат в огненную пропасть.

- Черт ты гадкий! Ты удумал меня запугать! - Висенти размахнулся и двинул кулаком по лицу монаха.

Монах упал. Он лежал недвижим и молчал. Он прикидывался, хитрил. А на вышке стоял сторож. Он наблюдал за всем и поднял тревогу. Через несколько минут налетели на Висенти монахи, как черное воронье. А потом подошли два полица, избить Висенти они монахам не дали, но отвели его в тюрьму, где он просидел месяц. Потом его вызвали на суд, там его приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения. Когда зачитали приговор, судья спросил:

- Убийца, вам ясен приговор суда?

- Ничего мне не ясно, а темно, как ночью, - ответил возмущенно Висенти.

- Вот двадцать пять лет отсидите в тюрьме, тогда и будет вам ясно, - ухмыляясь сказал судья.

- Я не убийца! Вы сами убийцы, кровопийцы! – гневно кричал испанец. - Рано или поздно вас самих испанский народ будет судить! Судить, как темных реакционеров, мракобесов.

Кто-то из зала выкрикнул «Ура!», его подхватил второй, третий, а потом по всему залу пронеслось: «Ура! Ура! Мы протестуем против приговора! Свободу Висенти!», - и зал зашумел, как встревоженный пчелиный улей, - «Свободу, свободу Висенти!». Охрана силой вытолкнула испанца из зала и сопроводила его в тюрьму. Просидев еще месяц в тюрьме, Висенти освобождают из стен тюрьмы, вернее, его не освобождают, а выкупают от реакционного правительства франка. Его вербуют в немецкую армию. Таким образом, фашистские агенты, завербовав массу тюремщиков, сформировали целую дивизию под названием «Дивизия головорезов». Эта дивизия была брошена на русский фронт, в направлении Новгорода. В ней-то и очутился Висенти.

- Вот, товарищи, все, что я знаю о Висенти.

Все переглянулись, стали к испанцу лицом и, приветливо улыбаясь, приветствовали его.

- Мир и дружба! - произнес по-испански Висенти.

- Мир и дружба, - повторил Мишин.

- Мир и дружба - сильнее оружия! - по-французски ответил Жорж.

И после дружественных рукопожатий все зашли в избушку. Стало совсем темно.

- Располагайтесь, товарищи, кто-как приловчится. Отдохните, - предложил Мишин.

- А я, Василий Павлович, буду охранять вас, хорошо? - произнесла Галя.

- Да, это было бы неплохо. Дежурство у нас должно быть, - сказал Жорж.

- Да-да, обязательно должно быть, - добавил Мишин. - Вот тебе, пожалуйста, - он подал Гале пистолет, - умеешь обращаться?

- Умею, меня Михаил научил. Пока вы беседовали, мы с ним слушали и тренировались, - ответила Галя.

- Вот и хорошо, - одобрительно мотнул головой Мишин.

- Хорошие у вас девчата, - промолвил Жорж.

- Да, хорошие.

Кто-то уже начинал дремать, а Мишин и Жорж тихо толковали между собой. Жорж рассказывал о своей жизни, а Мишин о своем прошлом и настоящем.

- Так, говоришь, для прочесывания леса немцы посылают группу? - спросил Мишин.

- Да, Василий Павлович, посылают. Отряд уже, возможно, прибыл. Вчера я лично слышал, по телефону передавали из немецкого штаба дивизиона, что, для подавления партизан высылают отряд отборных головорезов.

Мишин призадумался, молчал.

- Что с вами, Василий Павлович? - осветив фонариком озабоченное лицо Мишина, проговорил Жорж.

- Как «что»? Мы боролись и должны бороться за Родину против гитлеровских захватчиков. Мы нанесли им, как в технике, так и в живой силе, немалый ущерб. А вот сейчас нам придется столкнуться с врагом открыто. Тут надо подумать, все обмозговать, ведь нас - горсточка людей, и у нас нет даже одного пулемета.

- Василий Павлович, прошу вас, успокойтесь, - начал воодушевленно Жорж, - этот отряд для нас с вами – чепуха! Это для нас, что мыльный пузырь - пальцами нажмем и он лопнет! Короче говоря, Василий Павлович, этот отряд пойдет за нас с вами. Я поверну его против самих же

немцев. Вот мы и покажем им тогда, где раки зимуют!

- Так все надо по уму.

- Василий Павлович, я хочу добавить, что по военной части я имею больше права. У фашистов я открыто ношу звание капитана, но в нужных случаях я открываюсь в роли генерал-лейтенанта. Здесь, в тылу, начальник части - полковник Эллер. Он руководит, но это руководство я могу изменять, как хочу. Он, как козырный король - играет над судьбами русских, но я при всякой возможности бью его, короля, козырным тузом. Не так давно осудили одного старика Митрофана к смертной казни. Приговор был подписан Эллером, а я не утвердил этот приговор и приказал отменить казнь. Я играю роль еще молодого генерала, но играю ее, как опытный шахматист. Вот так же, я думаю, и Гитлер, напавший вероломно на Россию, проиграет свою партию. Он должен сгинуть, как призрачная тень. Так ведь, Василий Павлович?

- Совершенно верно, - ответил Мишин и добавил, - мы - русские и вы – французы, морально и духовно должны верить в то, что должно неминуемо сбыться. Конечно, утраты и боль, нанесенные народу фашистами, будут долго жить в памяти людской, но народ не упадет духом! Все утраты он восстановит, залечит раны и жизнь народа, боровшегося против проклятого фашизма, снова озарится светлым будущим.

Жорж радостно кивнул головой и протянул Мишину руку. Обмениваясь рукопожатием каждый думал: «Мы победим! Победа будет за нами!».

**Вечная Слава павшим за нашу Родину!
Вечный позор предателям!**

Содержание

От составителя	3
Её тайна	5
Путевые записки	8
Аленький платочек	13
Однажды летом	16
Счастливые дети	19
Мстители. Эпизоды Великой Отечественной войны 1941 года	25
Предисловие	25
Часть первая	26
Часть вторая	46
Часть третья	57
Часть четвертая	77

Ельпидифор Мохов
Рассказы

Набор текста И.В.Писаренко
Редактор - составитель М.Ю.Апалькова

Муниципальное казенное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система»
Северного района Новосибирской области

Адрес: 632080, Новосибирская область,
Северный район, с.Северное, ул.Ленина, 18
Тел./факс: 8 (383) 60 – 21 – 346
Е - mail: sevbibl@mail.ru